

Александр Фомичев

РАТНИКОР

ПРАХ И ПЕПЕЛ

Ратибор

Александр Фомичев

Ратибор. Прах и пепел

«Автор»

2023

Фомичев А.

Ратибор. Прах и пепел / А. Фомичев — «Автор»,
2023 — (Ратибор)

ISBN 978-5-532-91286-1

И полгода не прошло с набега дружины Святослава на Великий караван Ослямбской империи, а бесчисленная вражеская орда, горя неуёмной жаждой мести, уже вовсю топчется на подступах к Мирграду. И с таким грозным противником русичи ещё никогда прежде не сталкивались. Так чья же рать возьмёт верх в эпическом противостоянии Запада и Востока? Сбудется ли пророчество ворожеи Благаны? И кто же всё-таки пытался отравить князя да знатно пакостил рыжебородому богатырю и его друзьям? Ответить на эти вопросы поможет седьмая часть сказания о могучем воине Ратиборе из племени русов.

ISBN 978-5-532-91286-1

© Фомичев А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Дворец владыки	5
Глава 2. Мирград	9
Глава 3. Неожиданная встреча	13
Глава 4. Змейград	28
Глава 5. Трактир «Сброшенная чешуя»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Фомичев

Ратибор. Прах и пепел

Глава 1. Дворец владыки

Нурязим. Ослямбская империя

Великая Ослямбская держава располагалась на юго-востоке Ивропии и занимала практически все земли между Тёмным и Внутренним морями, по праву считаясь самым большим и могущественным государством Запада. Благодаря чёрной магии, как шелестит еле слышный глас промеж честного люда, а также огромной, отлично организованной, прекрасно обученной армии да подкупу, хитрости и предательству, коих никогда не чурались местные правители, все войны с соседями за последние полтора века неизменно заканчивались победами Ослямбии. Как итог: территория страны постоянно расширялась, воинство множилось, империя расцветала не по дням, а по часам, купаясь в роскоши, славе и богатстве. Само же королевство официально приобрело статус непобедимого, ибо никто уже и не помнил, когда последний раз оно кому-то уступало в битве.

Как поговаривают шепотком недоброжелатели, естественно, за спинами осов, таких успехов Ослямбское царство добилося в первую очередь из-за появившейся при дворе владыки чудной незнакомки по имени Урсула, по странному стечению обстоятельств как раз припелёхавшей около ста пятидесяти лет назад из Иберийских предгорий к Кулхидору, императорскому дворцу, расположенному в центре Нурязима, столицы великого Западного государства.

Ходят легенды: уже в те давние времена ведьма была стара, с повёрнутыми набекрень мозгами, но убитый горем, обычно здравомыслящий Озбек, тогдашний властитель Ослямбии, так впечатлился магическими возможностями тёмной ведуньи, за несколько дней исцелившей его любимую дочь Сарыгюль от тяжёлой, неизлечимой болезни, что немедленно приблизил да высил безумную гостью, лишь в конце жизни, на смертном одре пожалев об этом своём опрометчивом решении. Но изменить что-либо он был уже не в силах, ибо заключённый с Урсулой договор на крови священен, нерушим и незыблем: всё его потомство в случае несоблюдения условий того адского соглашения оказалось бы проклято и погибло в страшных муках. Старая колдунья хорошо знала, как привязать к себе незримой нитью отчаявшегося правителя да его отпрысков. И обязался Озбек по тому договору сменить веру: по всей империи начали сноситься скульптуры Умай, богини плодородия и жизни, водружались же на освободившиеся места статуи Ахримана, верховного божества зла и тьмы, являющегося олицетворением самых низменных пороков человека.

Одновременно с этим, по загадочному совпадению, пришли и знаковые долгожданные победы в тянувшихся десятилетиями войнах на всех фронтах, что суеверный люд тут же увязал с именем нового всемогущего бога. Несогласных со сменой вероисповедания, с новым курсом государства власть принялась во славу тёмного вседержателя попросту сжигать на кострах, объявляя их еретиками да врагами короны. Стоит ли говорить, что Ахриман в качестве нового идола прижился довольно быстро. Впрочем, как и Урсула в Нурязиме: сумасшедшей жрице мрака ещё при жизни Озбека отгрохали её безымянную, мрачноватую иглообразную туру, прозванную среди обычных горожан Башней Страха. Ибо даже банально пройти мимо неё не каждый человек решался: волны ужаса, исходящие от жуткого строения, обволакивали липкой паутиной любого смельчака, дерзнувшего приблизиться к обители старой ведьмы. Лишь на значительном удалении от башни оковы те кошмарные спадали, позволяя заурядному путнику снова дышать полной грудью и здраво мыслить. Правда, не всем удавалось унести ноги: как поговаривают, нет-нет да кто-то из прохожих со ставшими вдруг стеклянными глазами разво-

рачивался и на полусогнутых ногах направлялся к туру, затем остервенело дёргая на себя едва приметную, неказистую, никогда не запёртую дверцу в её основании, безмолвно после исчезая в необъятной утробе чудовищного здания. Больше тех несчастливцев никто и никогда не видел. А вот запах коптящегося человеческого мяса, начинавший вскоре на версту разноситься по округе из Башни Страха, чуяли все рядышком оказавшиеся очень хорошо.

Нурязим, являвшийся вот уж четыре с половиной сотни лет неизменной столицей Ослямбской империи, располагался на юге великого царства, на северном побережье Внутреннего моря, и был выполнен в основной массе из тёмно-жёлтого кирпича, благодаря чему и получил своё второе название: Золотой град. Лишь Кулхидор, дворец правителя, да несколько близлежащих кварталов по центру были сделаны из редкого пурпурного мрамора, что завозили судами по Внутреннему морю из каменоломен вассальной Ахакии, небольшого горного государства на северо-востоке Чёрного континента.

Нурязим процветал: удачное расположение да победоносные войны превратили его в жемчужину западной цивилизации, всемирный центр торговли и ремесла. Число жителей столицы, по последним, весьма неточным подсчётам целого полчища писарей, недавно перевалило за сто двадцать тысяч человек. Не считая, конечно, бесчисленного множества рабов, составлявших значительную часть населения всего Ослямбского королевства. Столь круглую цифру решено было отметить с размахом: Нурязим гулял, празднуя преодоление очередного значимого рубежа – столько населения не имелось ни в одном из городов Ивропии. Но в самый разгар торжества в столицу прибыла купеческая ладья с дурными вестями да останками наследного принца мощной империи, явно омрачив всеобщее пиршество; Великий караван с Востока, вернее то, что от него осталось, добрался-таки до границ всесильного царства, перво-наперво отправив с галерой по морю ужасные новости в Кулхидор.

– Покажи! – нервозный рык, мигом нарушив стоявшую в громадном помещении звенящую тишину, гулким эхом зычно прокатился под высоченными сводами тронного зала Рубинового замка, как величали дворец лояльные повелителю вельможи (или Кровавого, именуемого так в простонародье из-за характерного бордового цвета его строительного камня, а также из-за диких зверств, что порой творились под кровлей Кулхидора). Преисполненный боли и ярости крик принадлежал императору Эдизу, законному властителю Ослямбского государства, вот уж без малого девятнадцать лет железной рукой правившему огромным королевством. На вид монарху было около пятидесяти – пятидесяти пяти лет. Высокий, черноволосый, полный, наделённый природой угловатыми, ястребиными, волевыми чертами лица, с щегольски ухоженной, коротко стриженной бородкой, облачён он был в замшевые высокие сандалии да лазуревые, украшенные по бокам отборным жемчугом широкие шаровары с ярко-голубым кафтаном искуснейшей выкройки. На плечах Эдиза возлежала малиновая шёлковая мантия, обрамлённая серебряными нитями, а на голове небрежно красовалась чуть съехавшая набок великолепная золотая корона с россыпью очень крупных бриллиантов чудесной, мастерски выполненной огранки.

Восседал император на розоватом мраморном, изрезанном древними ослямбскими письменами массивном троне, подложив себе под нежное седалище специальную пуховую подушку, дабы не натереть мозоль там, где не нужно. За престолом, на всю стену красовалось шелковистое полотнище изумительной работы, изображавшее герб Ослямбской империи: вышитого золочёными нитями королевского грифона, сжимавшего в обеих лапах по обнажённому ятагану. Чуть раскосые, хищные очи всемогущего падишаха гневно взирали на только что принесённые носилки, опущенные шагах в пятнадцать перед ним на пол трясущимися от страха четырьмя дюжими рабами; велел дрожащим невольникам немедленно убираться прочь, Эдиз, недобро шурясь, мрачно разглядывал нечто бесформенное, возлежавшее на примитивном паланкине и укрытое несколькими кусками льняной ткани, обильно пропитавшимися кровью. Стоявшие по периметру зала многочисленные придворные, жёны да наложницы, опустив

зенки в пол, периодически с опаской глазели то на носилки, то на всего пунцового от бешенства правителя, предчувствуя надвигающуюся бурю.

– Владыка! – мощного сложения черноволосый воин лет тридцати пяти – сорока на вид, стоявший в полном боевом обмундировании по левую руку от императорского трона, торопливо прошёл вперёд, развернулся и опустился на одно колено перед своим повелителем, отрывисто бросив: – Не стоит вам видеть его в таком плачевном состоянии...

– Молчать! – истерично взвизгнул Эдиз, вскакивая с царского престола и на негнувшихся ногах медленно направляясь к останкам своего наследника. – Я сам решу, Геркант, что мне надобно лицезреть, а что нет! Ты меня понял, военачальник?!

– Да, небожитель!.. – могучий боец лишь ещё пуще склонил черногривые космы, обрамлявшие его обветренную, типичную для ослямов смугловатую физиономию.

Тем временем Эдиз не спеша прошествовал к укрытому льняной тканью телу и одним махом откинул пропитавшиеся тёмно-бурыми пятнами покрывала в сторону. Дворцовая челядь в ужасе ахнула, впрочем, тут же в страхе заткнувшись: то, что возлежало на носилках, на тело человека походило мало.

– Кто привёз мне Шеноза в таком непотребном виде?! – спустя минуту в гнетущем безмолвии, воцарившемся в большом приёмном зале, яростно прохрипел глухим баритоном градоначальник Нурязима. Брезгливо поморщившись от характерного трупного запаха, уже начинавшего исходить от мертвеца, хозяин Кулхидора опустился на одно колено и дрожащей дланью повернул ряшкой к себе лежащую отдельно от туловища голову своего первенца. Тут же чуть отпрянув, властелин Ослямбской державы резко поднялся и сжал кулаки так, что ногти до крови впились в ладони, а глаза налились тягучим багрянцем; лицо сына было практически не узнать, так оно оказалось обезображено.

– О великий правитель всея Ослямбии и бесчисленных земель окрестных, что простираются до самого горизонта, – чуть промешкавшись, пролепетал испуганно вытолкнутый стражниками из толпы придворных и тут же рухнувший на колени пузатый, стремительно лысеющий купец лет шестидесяти на вид, целуя при этом лбом мраморный пол тронного зала. – Меня зовут Серукан, и, клянусь бессмертным Ахриманом, я уже нашёл принца Шеноза в таком плачевном состоянии! Это всё дикие варвары с северо-востока учинили! Их было значительно больше нас, напали они неожиданно, аки смерч лютый, и я ничего не смог поделать! Великий караван растянулся не на одну тысячу локтей, а мы плелись в самом его конце! Когда подошёл я со своей свитой, всё уже было кончено: шустро вырезав по центру телохранителей престолонаследника вместе с обозной охраной, эти твари успели поизгаляться над телом вашего мальчика, господин! Ну а после, упревя его дорожные пожитки в виде сундуков с драгоценностями да золотом, обезумевшие дикари трусливо дали дёру назад, в свои вонючие болота, откуда, поди, и выползли на свет белый! Я просто не успел никак среагировать... Их было много, а нас мало... Я опоздал... Прости, владыка... – тоскливо бормотал распластавшийся на полу торговец, похоже, моливший своего тёмного бога сейчас лишь об одном: чтобы тот смилостивился и подарил ему быструю смерть.

– Простить?! – зловеще пророкотал Эдиз. – Я всех сейчас прощу, мало не покажется! Что с Байварисом?!

– Глава телохранителей Шеноза, младший брат нашего всеми уважаемого главнокомандующего, бесподобный Байварис, – на стиснувшего зубы Герканта трясущийся от ужаса барышник не смотрел, – храбро пал в бою, до последней капли крови защищая принца! Но в конце концов его чуть ли не пополам развалил одним ударом секиры какой-то дикий зверь из нападавших, расколов его крепчайшие доспехи из вельберийской стали, как бумагу папирусную вострое лезвие чекрыжит! Какой невероятной силищей должен обладать тот, кто способен так жахнуть бердышом?!.. Никогда не видел ничего подобного, клянусь высохшими потрохами Нергала, сводного брата нашего неподражаемого Ахримана...

– Как они надругались над Шенозом? И как он погиб? Говори, животное! – визгливо проверещал Эдиз, перед глазами которого заходили кровавые круги.

– Он-ни, это, – залопотал в отчаянии льющий горячие слёзы лавочник, – пальцы ему оттяпали с кольцами и уши порвали, серьги, очевидно, снимая... Да голову отрезали, очи при этом выколол... – на купца было жалко смотреть, так его трясло от страха. – Ну а убили его топориком в сердце...

– Довольно! – падишах Ослямбской империи всё никак не мог оторвать взор от изуверченного тела сына, лежащего перед ним. – Хорошо, что его мать скончалась на шестых родах и не видит того, что сделали с нашим первым дитяткой... – император перевёл бешеный взгляд на замершего на карачках Серукана. – Кто, мямлишь, осмелился напасть на наш караван?! Не печенеги, как я понял?

– Никак нет! Степняки бы не посмели! – отрицательно замотал плешивой маковкой торговец. – По словам выживших, а их порядочно осталось, несмотря на все попытки разбойников уничтожить под корень сердцевины обоза, – это были дикие варвары, похоже, с бескрайних угодий русов, что располагаются далеко от нас, на северо-востоке...

– Значит, всё-таки русичи!.. – раскосые зыркули Эдиза ещё больше потемнели от бушующего в них яростного тайфуна. – Видимо, пришла пора наведаться в те земли далёкие... – властитель Ослямбии обернулся к Герканту, тут же вскочившему на ноги. – Этому, – правитель указал нетерпеливым взмахом ладони на Серукана, – как и всему его окружению, отрубить бошки... в последнюю очередь! Сначала пусть палачи ноги да лапы им отсекут! Ну и опосля сечь во славу нашего тёмного божества!

– Смиловись, повелитель, убей сразу, прошу!.. – хныкающего горькими слезами незадачливого купца по кивку военачальника пара дворцовых стражников тут же подхватила под мышки и потащила вон из тронного зала.

– Напомни-ка, верный мой пёс, что там в прилетевшем давеча с голубком письмишке накарывал некий наш доброжелатель? – Эдиз вернулся на трон, плюхнулся на подушку и бросил угрюмый взор налево, на своего главнокомандующего.

– Что за нападением стоят русы, а точнее некое Мирградское княжество, и тамошний государь Святослав лично возглавлял сей набег разбойный! – с готовностью проворчал Геркант.

– Так и есть на самом деле? – властелин Ослямбии посмотрел направо. Из-за трона раздался безумный смех, тут же, впрочем, сменившийся тоскливым воем. С трудом сдерживавшаяся всё это время Урсула наконец дала волю эмоциям, не спеша выступив из тени престола.

– Так и есть, – прошамкала старая ведьма довольно, злобно при этом осеревшись. – Мирградское королевство повинно в смерти принца Шеноза, и лично местный князёк приложил к этому свою длань! Надобно наказать русоволосых наглецов, чтоб другим неповадно было! У них там войско-то крошечное, раз в десять нашему уступает, а то и поболее! Мы их, без сомнения, одолеем, но недооценивать всё же не следует этих варваров. Потому всех надо собирать, всех!..

– Хорошо, – чуть подумав, согласно кивнул разъярённый император. Очи его исступлённо полыхали серым пламенем. – Готовь наше воинство к походу дальнему, – Эдиз стрельнул взглядом в чуть склонившего голову Герканта. – Всё войско, уразумел? Мы отомстим и за моего сына, и за твоего родного брата, обещаю! Русичи очень сильно пожалеют о содеянном, клянусь ягодицами Ахримана!..

Глава 2. Мирград

Терем Святослава

– Проводили варягов? Всё нормально? Яромир где? – Святослав окинул угрюмым взором Мирослава с Ратибором, только что ввалившихся к нему в трапезную с дороги, сразу после возвращения из Дубкино. С рыжебородым воином князь старался глазами не встречаться, попросту их избегая, как будто перед ним не старый приятель, а пустое место. Впрочем, это получилось у правителя Мирграда далеко не всегда, ибо что-то, а игнорировать плюхнувшегося напротив «рыжего медведя» всё же представляется несколько проблематичным для любого его собеседника.

– Не проводили, а спровадили, я бы сказал. Нормально усё! – делая вид, что не замечает, с какой прохладцей его привечают нынче в тереме, хохотнул Ратибор, первым присаживаясь за накрытый стол. Его примеру последовал и Мирослав. – А Яр к повитухе Берегине умчался! Там Златка удумала рожать почти на месяц раньше срока! Вот он и метнулся до жинки шустрым соколиком тотчас по прибытии!..

– Можно? – после несмелого стука дверь приоткрылась, и в обеденный зал заглянула конопатая физиономия Емельяна.

– Нужно! – крикнул пребывавший определённо не в настроении Святослав, хмуро наблюдая, как за вошедшим племянником проскользнул в трапезную и Тихомир, споро расположившись подальше от неприязненно на него зыркнувшего Ратибора.

– Давайте сразу к делу! – резко бросил князь, обращаясь одновременно ко всем присутствующим. – Набить брюхи всегда успеете! – мирградский владыка явно сильно нервничал.

– Что стряслось? – Мирослав налил себе душистого пива из стоящего рядом кувшина, вопросительно при этом уставившись на Святослава.

– Слухи до меня из разных источников долетать стали дурные, будоражные, – пожевав губами, в конце концов, молвил сумрачно государь, – что грабанили мы людей серьёзных с Запада. Обиделись те да войско несметное на нас собирают... За караван и убитых поквитаться планируют сторицей...

– Да что ты гутаришь! – Ратибор кисло хмыкнул, добро отхлебнув кваса прямо из пузатого жбана. – Какая «неожиданность»... – последнее слово он протянул с явной издёвкой.

– Кто такие? – Мирослав на корню прервал готовые было сорваться грубые словеса с уст Святослава в адрес своего рыжего брата по оружию.

– Кхе-кхе, я обозначаю, ежели никто не против, – достав из-за пазухи ворох бумаг, Емельян присел на одну из лавок и, бестолково рассыпав перед собой замятые грамотки, спустя минуту нашёл наконец то, что искал, начав заунывно зачитывать текст вслух:

– Итак, Ослямбская империя. Как и у всего Запада, а также варягов, второй язык у тамошних жителей общий, то есть наш, так что понимать друг друга будем прекрасно. Сами себя именуют аскёрами, шалмáхами, то бишь воинами в переводе с ихнего родного наречия, и ослямами, а недоброжелатели – осами да ослами. И да, ента те, чей караван мы распетрушили в Долине Злых Духов. Расположена данная могущественная западная держава на юго-востоке Ивропии, между двумя морями: Тёмным и Внутренним. Население её, по крайней переписи, составляет около полмиллиона человек, а воинство – не менее ста тысяч...

– Ого! – Тихомир ошарашенно присвистнул. – Сильно!..

– Впервые в жизни согласен с этим вонючкой, рать у них будь здоров!.. – брякнул не менее удивлённый Ратибор. – А полмиллиона, ента много, да? Сколько, уж позвольте уточнить? Таких страшных цифирей никогда и не слыхивал... Но мурашки у меня побежали по копчику, не скрою!.. Туды-сюды причём носят, ошалелые, да щекочут ещё довеском, собаки

вредные. Пытаюсь их почесать за ушами, чтоб поласковее были, да всё никак словить не удаётся...

– У мурашек, насколько мне ведомо, нет ракушек, Ратик. С вошками не попутал? Вот у них точно уши имеются... Или не точно?.. Э-э-э, проехали!.. В общем, банька тебе в помощь. А полмиллиона, ента пять раз по сто. Тысяч, в смысле. Кошак с головой и крыльями орла, то бишь грифон, является, кстати, их гербом, – Емельян укоризненно взглянул на рыжего друга, поражённо рыгнувшего на весь зал, и продолжил: – Так вот, умертвили мы, оказывается, во время набега того приснопамятного какого-то там наследника престола тамошнего... Как вы понимаете, очень дорогого сердцу правителя этого самого королевства... Ну и мстить он собирается по полной! Войско вражье практически уже в сборе и ранней весной планирует выдвигаться в нашу сторону...

– Я не уразумел, – Мирослав озадаченно вперился взглядом сначала в Святослава, а после и в Емельяна. – Как ента «выдвигаться в нашу сторону»?! В сторону Мирграда? Это что, шутка?! Как они так быстро прочухали, что ента мы их раздербанили?!

– Ты уверен, Емеля? – Ратибор нахмурился. – Может, ты имел в виду под «нашей стороной», земли русичей в целом?..

– Да нет, Ратиборушка, – глава Тайной Канцелярии тяжело вздохнул. – Мирка понял меня правильно! Каким-то непостижимым образом разведали они шустро, кто их караван вскрыл, аки куль с навозом... Поразительно, но факт: шалмахи знают, что это мы, то есть Мирград! По-видимому, кто-то им донёс... И самое позднее, месяца через полтора-два после отплытия от родных берегов, сто тысяч ворогов будут топтать нашу землю! А ещё балакают, катапульты у них есть здоровенные да башни осадные до небес... Про таранные битки из цельного гранитного камня вообще молчу. Даже если привирают сказители, всё равно боязно... – Емельян заметно пригорюнился. – Похоже, в лужу мы сели знатную с этим походом...

– Рат, – князь впервые с момента возвращения друзей посмотрел колюче прямо в очи рыжему витязю, собравшемуся было что-то возмущённо гаркнуть, – только не вздумай сейчас изречь нечто вроде «а я же говорил»...

– А я же говорил, Свят! – Ратибор, проигнорировав предупреждение старого приятеля, нахально вытаращился на покрасневшего от злости властелина Мирграда в ответ. – Не надо нам было слушать этих морских шакалов! Вляпались из-за их «великолепного» плана по горло в нужник! Теперь бы не утопнуть...

– Довольно! – Святослав сердито бахнул ладонью по столу. – Ты, Ратибор, одни неприятности мне в последнее время приносишь, ты ента знаешь? Совсем распустился! Думаешь, раз хлебаешь тут мой квас, за моим же столом, то можешь вести себя, как тебе вздумается?! Ты вообще в курсе, что я твой владыка, нет?! Мои приказы, гляжу, для тебя пустой звук!..

– Одни неприятности? – Ратибор скривился. – А ещё недавно, помнится, балаболил, что с каждым моим походом казна у тебя добро пополняется... Или ента уже так, мелочёвка? Награбил же недавно под крышу, да... – рыжебородый боец не без удовольствия отметил, как потемнело при этих словах лицо Святослава, но останавливаться уже и не думал. – И что там за приказы я не исполняю? Вещай уж, коли начал, не стухай на полпути!

– Что за приказы?! – вспылil гневно князь. – Я велел не трогать Ночное Братство? Велел! Я просил тебя лично их не трогать? Просил! Ты обещал мне, что пальцем к ним не прикоснёшься? Обещал!..

– Ничего подобного, Свят! – смурно буркнул Ратибор. – Вот тут ты не прав! Не обещал я этого!..

– Разве?.. Не столь важно! Приказ был? Был! И что ты наделал?! Взял и почти всю мирградскую ячейку разбойничьей гильдии вырезал под корень!.. – Святослав нервно покосился на спокойно жующего копчёный свиной окорок Тихомира, а затем снова зло вылупился на рыжего товарища.

– Тут согласен, – слегка смутился могучий великан, – промашка небольшая вышла... Почти, да не всю! Один убёг, псина вшивая...

– Ты хоть представляешь, каких врагов себе нажил?! Да и я вместе с тобой!.. Запаримся расхлёбывать!.. – князь всё больше распалялся. – Далее, я велел более не щупать моськи варягам после вашей драки с ними на свадьбе Емелькиной? Ну, когда стенка на стенку схлестнулись? Велел! Так ты разве послушал?! Взял и сначала ярлу клюв перебил, а опосля и в «Четырёх копытах» нескольких северян отделал!.. Странно, как ещё не пришиб никого своими пудовыми колотушками, что у тебя вместо лап из тулова торчат!

– Я того приказа не слыхивал, ибо после нашей с ними рубки меня Мирка сразу к Добролюбу в лечебницу уволок! Уж больно плечо запаршивело от скверны Мельванеса, – молодой богатырь насупился. – Не, чего-то там кудахтали эти синемордые у Феофана пред тем, как я им рожи начистил... Так откель я знаю, брешут аль нет?! А Чернобровому Олафу в пятак за дело жажнул, ибо нечего на моих зеницах ни в чём не повинных резать!

– Взял бы и отворотился! – ухнул Святослав пламенно. – Ишь, какой нежный выискался!..

– Я и тебе, княже, чуть по харе не саданул, да ты вовремя заткнулся! Не помешало бы взять на заметку Вашему Вашеству, а то мало ли: чего сгоряча не случается...

– О-о-о, это вообще отдельная тема! – правитель Мирграда, запальчиво перебив Ратибора, резко вскочил со стула и принялся, заложив руки за спину, суматошно нарезать круги вокруг стола. – Грозить мне при всех удумал?! При моей дружине, у них на глазах?! Совсем ополоумел?! Я уж молчу про варягов, пёс с ними, но у наших охломонов морды, конечно, вытянулись знатно!

– Аха-ха, – засмеялся не к месту Емельян. – Вот ента, наверно, было зрелище, жаль я не лицезрел!.. – княжий племяш тут же осёкся под негодующим взглядом дяди, сурово зыркнувшего на него из-под пшеничных бровей.

– Устал я... От вас обоих! – громогласно проревел Святослав на весь зал. – Посему, Рат, тебе последнее задание даю... Обделаешься, лучше не возвращайся!.. Поедешь в Змейград! Немедля! Там основное логово ночных братьев располагается. Головное, так сказать... Всучишь им грамоту от меня с извинениями за досадное происшествие с их гильдией в Мирграде, мешочек с золотом в качестве задабривания, вежливо откланяешься и будешь таков... Ничего сложного! Емельку с собой возьми, а то чего-то засиделся он тулова: лазает где ни попадя да ржёт по скудоумию, аки мерин сивый!..

– Ты чего, старче, издеваешься, что ль?! Хочешь, чтобы я каялся пред этими скотами зачухарелыми?! Проверь свою кровлю: её, кажись, размыло!.. Кхе-кхе... – Ратибор аж поперхнулся от негодования. – Я?! С поклоном к этим облезлым собакам?! Сварог свидетель, могу им только по доброй берёзовой оглобле в седалища запихнуть, и то за отдельную плату...

– Извиняться, Ратик, буду я! – Святослав возбуждённо сел на место, по новой гневно уставившись на могучего исполина. – А тебе же надо всего лишь передать им эту весточку от меня! Скреплённую моими печатью и подписью! С сожалениями о произошедшем... Разве ента так сложно, раздери Перун твою рыжую задницу на коврижки?! Просто гонцом по-бырому метнуться...

– Я что, Свят, к тебе в посыльные нанимался? – Ратибор был мрачнее тучи. – Полы помыт нигде не надобно? Аль потолок? Нужник подраить даже не думай предлагать. Утоплю в нём же!..

– Рат, – князь прикрыл на пару секунд веки, устало хрюкнул, после тяжело выдохнул и просопел: – Ночные братья выдвинули такое условие, чтобы ты лично доставил им мои извинения! Уж не ведаю, зачем им ента надо... Но шанс примириться упускать нельзя! Потому руки в ноги... Э-э-э, аль ноги в руки... Ай, да как удобнее, хоть на копчике скачи, и вперёд! Змейград ждёт! Грамотку с посланием на выходе из терема, у Бронислава возьмишь. Как и мошну со златом для душегубов, и кошель с монетами на расходы дорожные... Ну и адрес

той харчевни, где эти лиходеи ночные обитают. Зайдёшь к ним в берлогу, пожелаешь здоровья, вручишь письмецо Турузу, их главному, ну жожаку то бишь, всплакнёшь от горя, что уже пора отчаливать, да выйдешь! Всего делов-то, проще пареной репы! Это приказ, не обсуждается! – зло прошелестел Святослав собравшемуся было что-то опять возразить молодому богатырю. – Хоть раз в жизни выполни моё указание тихо, без пререканий! И да, этот Туруз, он верховодит ячейками братишек тёмных по всей Руси, так что смотри не обделайся! Будь вежлив и ласков с главарём! Ну или хотя бы просто держи себя в руках, на рожон не лезь!

Ратибор ничего на это не ответил; лишь прищурившись, с минуту буравил колючими очами нелепо заёрзавшего на стуле старого товарища. Затем безмолвно встал, развернулся и, не прощаясь, вразвалочку потопал прочь из трапезной. «Я им так здоровья пожелаю, мало не покажется!..» – лишь разъярённо гыкнул он про себя, громко хлопнув дверью на прощание.

– Тебе что, особое приглашение треба?! – князь впился недовольным взором в растерянного Емельяна. – Подь за ним шустро да гляди, чтоб бед не натворил... С него станется!..

– Ты, Свят, чего, головушкой обо что-то твёрдое тюкнулся?! Черепичка набекрень съехала?! – Мирослав, наконец обрётший дар речи, перевёл обалделый взгляд с княжьего племяша, миглом рванувшего за уже удалившимся прочь из обеденного зала широкоплечим приятелем, на правителя Мирграда, лихорадочно допившего вино из кубка. – Отправлять Ратибора парламентарием к этим тёмным псинам, это как запустить голодного лиса в курятник... Он ведь там с землёй сровняет всё, в том числе и сам град! А нам нужно сейчас цапаться со змеями?

– Мирка, ты ещё не начинай, а?! Без тебя кошки на душе скребут!.. – Святослав раздражённо глазел на... Тихомира, не проронившего за весь разговор ни слова и всё так же продолжающего безмятежно налегать на медовуху и копчёности. – Сказал же, условие такое они выдвинули... Для примирения им, видите ли, моих извинений недостаточно! Рыжего медведя лично лицезреть хотят с покаянием!.. Будем надеяться, что всё обойдётся: он просто втюхает им восточку да отвалит без лишнего шума...

– Ты сам-то в ента веришь?.. – Мирослав неодобрительно покачал русыми космами. – Да скорее светило небесное подмигнёт лукаво в непроглядной мгле...

– Мир, заткнись! Не нагнетай ещё больше! У меня не было выбора! – Святослав торопливо, большими глотками опустошил только что им сцапанный со стола жбан с пивом и после громогласной отрыжки возмущённо продолжил: – Тут либо с него спрос, либо с меня! И Рат сам виноват! Набедокурил с горкой!.. Пуцай вот теперича сам и расхлёбывает! О боги, Мирка, не протри только во мне дырку своими осуждающими моргаликами! Просто всучить атаману душегубов письмишко и свалить: что может быть проще, а?! Ребёнок бы справился!.. Я лишь хочу как можно шустрее уладить возникшую проблему и более ничего не слышать об этом Турузе!..

– О-о-о, можешь не сомневаться, Свят, кхы-кхы!.. – Мирослав ехидно кашлянул. – Больше ты ничего о нём и не услышишь! Ратибор быренько устранил возникшую заковырку; уж в чём в чём, а в этом он мастак!..

– Дружище, замолчи, прошу!.. – Святослав в приступе внезапной вспышки ярости смахнул только-только осушённый им узорчатый кувшин со стола, со звонким переливом разлетевшийся на несколько глиняных осколков. – Кликни лучше писаря сюда... Ай, да сиди, сам вызову! Надо бы Таиславу, правителю Змейграда голубку отослать с посланием... Что ежели так станется и некий рыжий боец из пришлых забуйнит малость в его владениях... Не трогал чтоб засранца да отпустил с миром! Ибо мой человек этот неуправляемый непоседа! Ну а покамест Ратибор задабривает лиходеев, нам времечко терять негоже: надобно поразмыслить, как сладить с новой напастью, ибо сто тысяч бойцов нас легко затопчут, даже ежели с голым задом просто побегут в нашу сторону, радостно при этом гогоча, аки гусят выводок...

Глава 3. Неожиданная встреча

В нескольких днях пути от Змейграда

– Ты на кого повесил хозяйничать Тайной Канцелярией, пока сам в отъезде? На Даромысла, что ль? Помнится, бывший глава сыскарей, Зедамир, что нынче у Сварога в чертогах пирует, его как-то нахваливал. Толковый малый, балакал...

– Ну да, на него самого и взвалил ношу... Ему по плечу! Правой рукой своей назначил... Даромыслу привычно! Он и предыдущего заправилу постоянно замешал. Опытный ищейка, все тонкости своей нелёгкой работёнки назубок знает, благо не один десяток лет внутри нашей кухни крутится... По правде говоря, – промямлил с лёгкой грустинкой княжий племяшек, – верховодить Тайной Канцелярией у него получается куда лучше, чем у меня... Ну да ладно, выходит у Даромысла исправнее, и слава Велесу! Не будем ему мешать... – Емельян тяжело, задумчиво вздохнул, резко меняя тему разговора: – Меня тут другая мыслишка изнутри подгрызает принялась, аки червячок – румяное яблочко... Знаешь, Ратиборушка, я всё более и более склоняюсь к тому, что не так уж и неправ ты насчёт Тихомира...

– Да что ты гутаришь, Емеля?!.. – Ратибор удивлённо хмыкнул, покосившись при этом на едущего рядом на мохнатой приземистой лошадке княжьего племяша, и добродушно потрепал по гриве своего красавца вороного. Третью рабочую кобылку приятели взяли с собой под воду, провиант да забитый запасной одеждой объёмистый мешок безалаберного писаря. – И с чего ента на тебя снизошло такое озарение? Никак, удачно тыковкой о мостовую шмякнулся, когда с пони своего перевалился при первой попытке лихо, с наскока в седло запрыгнуть? Посему, поди, мозги на место и встали!..

– На дядю Тихомир имеет очень значимое, странное влияние... Я бы даже сказал, пугающее... – Емельян, зябко поёжившись от слабо морозящего дождика, глубокомысленно размышлял вслух, пропустив мимо ушей вялую остроу могучего друга. – Ты помнишь нашу последнюю трапезу в тереме? Не обратил внимание, как Святослав периодически пялился на своего главного советника? Нервно, сердито, чуть ли не с ненавистью!.. И вместе с тем обречённо, покорно... Как будто вынужден терпеть подле себя неизбежное зло! Я больше чем уверен, Ратик: дядя не хотел нас отправлять на поклон к Турузу. Кумекается мне, что ента Тихоня как-то приложил руку к нашей неожиданной поездке в Змейград! Вообще, очень похоже, что он не тот, за кого себя выдаёт... Не тот, кем мы его все считаем! В общем, озадачил я своих ищеек перед отъездом: пуцай-ка осторожно копнут под него поглубже, а то сведений о Тихомире с гулькин клюв... И с чего вдруг дядя его так к себе приблизил пару лет назад? Непонятно... Главный советник, это ведь не муру-хуру...

– Может, всё же не хухры-мухры?

– Ай, не утомляй, Ратиборушка!..

Змейград, получивший своё говорящее название от обилия гадюк и ужей, обитающих в тех местах, располагался на невысокой гористой возвышенности, на юго-восточном направлении от Мирградского княжества, в тринадцати-пятнадцати днях пути, в зависимости от скорости хода и количества привалов. Благодаря своему расположению, город был сделан практически полностью из блоков серого известняка, и точное количество каменоломен в округе, действующих да уже заброшенных, затруднялись назвать даже бывалые дьяки, не одно десятилетие ведущие письменный учёт добываемого камня. Сама горная гряда, от природы довольно низкая, была искусственно усилена и укреплена ещё первыми строителями Змейграда, а после не раз достраивалась, в конце концов превратившись во внушительного размера стены высотой под четыре метра и толщиной не менее двух, надёжно опоясывавшие по периметру поселение неправильным прямоугольником. Данный древний кряж по неведомой прихоти Создателя вырастал из-под земли прямо посреди бескрайней степи, на которой в изобилии ютились

промышлявшие разведением скота многочисленные хозяйства подданных Гадючьего княжества, как его зло называли за глаза недоброжелатели. Бесчисленные хутора держали в основном коров, свиней, коз и овец, являясь главными поставщиками в город мяса, шерсти, молочной продукции да шкур. Также среди местных было хорошо распространено коневодство, и великолепные, грациозные жеребцы Змейграда наряду с массивными тяжеловозами считались одними из лучших и ценились по всей Руси на вес золота.

Стояла середина октября, и погода потихоньку начинала портиться, спугнув-таки прочь слегка задержавшееся бабье лето и принося с собой холодные порывы ветра вкупе с противным, пробирающим до костей, вечно морозящим дождём. Хмурые, сизые тучи заволокли небосвод до самого горизонта, нависнув тягучей пуховой периной над славянскими землями, и не оставили ни шанса лучикам света пробиться сквозь их толстенный покров. Осень полноправно вступила в свои законные права, и стремительно портящаяся, промозглая погода служила тому бесспорному факту наилучшим подтверждением.

Вечерело. Шёл одиннадцатый день пути. Благодаря припустившему дождищу Ратибор с Емельяном прекратили трепаться и ускорили темп, торопливой рысью несясь по Степному тракту, соединяющему между собой Мирградское княжество со Змейградом. Друзья хотели успеть затемно добраться до ближайшего постоялого двора, дабы отогреться, просушиться, отъестся да отоспаться, ибо на природе устраивать привал в такую слякотную пору желания не имелось ни у кого. А там уж, утречком, посвежевшими и отдохнувшими, снова в путь выдвигаться можно! Благо до конечной цели похода оставалось всего ничего.

Но вот странники придержали коней: посреди тракта возникло неожиданное препятствие. Впереди явно что-то происходило. Подскакав ближе, товарищи быстро поняли, в чём дело. Дорогу двум приятелям перегородила развёрнутая чуть влево, чем-то с горкой гружённая четырёхколёсная телега с впряжённой в неё парой тягловых мерин, что периодически жалобно ржали, предчувствуя беду. Справа от крытой повозки, шагах в семи, несколько громил самой что ни на есть разбойничьей наружности с гадким воем и ядовитым улюлюканьем склонились над судорожно ползущим по грязной жиже человеком, периодически отвешивая тому доброго пинка. Несчастный непоседа падал от такого удара физиономией в лужи да слякоть, что явно доставляло нападавшим невероятное, просто эстетическое удовольствие. Чуть поодаль, в придорожной канаве, полной водицы, ряшкой вниз лежало бездвижное человеческое тело; похоже, с первым из невезучих путников лиходеи уже расправились и принялись за второго. Что происходит посреди Степного тракта, можно было понять с одного взгляда: небольшая группа головорезов в пять мосек словила на размытой стёжке телегу с двумя то ль бедными, то ль жадными торговцами, по неведомой стороннему обывателю причине не сподобившимися нанять себе в сопровождение хоть какую-то охрану. И второй, пока ещё живой купец явно об этом уже не раз пожалел, выплёвывая вонючую грязь вперемешку с кровью; ему наверняка сейчас приходилось так туго, как никогда в жизни.

– Эй, шакалята поганые, впятером на одного, ента у вас завсегда хвост трубой, да?! – два чекана со свистом рассекли воздух, с характерным чавканьем вонзаясь в головы парочки негодяев и отбрасывая их в сторону. Ратибор, лихо спрыгнувший за мгновение до этого с вороного, не медля ни секунды, тотчас подлетел к оставшимся разбойничкам, слишком увлечённым издевательствами да глумлением над своей беспомощной жертвой и не сразу осознавшим, что на сцене бытия появилось ещё одно, на этот раз грозное, обрамлённое рыжими космами действующее лицо. Коротким стремительным взмахом молниеносно блеснуло острое как бритва, с локоть длиной булатное лезвие любимого ножа, вонзаясь точно в сердце третьего верзилы; по обратной же, широкой дуге могучий удар просто снёс, как серпом, башку с плеч четвёртому бандиту, заодно почти чисто срезав и кудлатую бородёнку душегуба. Горячим источником ударила кровь ввысь, впрочем, довольно быстро превратившись из хлеставшего фонтанчика в слабый ручеёк, образовавший на земле слякотное, буро-розовое месиво. Два безжизненных

туловища, одно со смертельной раной в груди, второе без головы, практически синхронно рухнули в окрасившиеся багрянцем лужи.

– Пощади, прошу! – ошарашенно пятась, заверещал истошно пятый бандюган, невысокого роста коренастый малый лет двадцати пяти на вид. Поскользнувшись и шлёпнувшись пятой точкой в грязевую жижицу, непутёвый разбойник испуганно вскочил, обежал потрясённым взором бездвижные тела своих, ещё с минуту назад весело голосащих собратьев по головоутипству, после чего развернулся да припустил к одной из покорно ожидающих недалеко лохматых низкорослых лошадок. С ходу вскочив в седло, лиходея мигом пришпорил свою кобылку да стремглав помчался прочь, куда глаза глядят. По странному совпадению, очи его глазели туда же, куда и направлялись Ратибор с Емельяном, то есть вперёд, в сторону Змейграда.

«Добрые дела без сострадания и прощения не творятся, медвежонок... Но тебе ведь эти словеса не шибко-то по нраву в последнее время, не так ли?» – у Ратибора, приготовившегося метнуть нож в спину поспешно улепётывавшего мерзавца, неожиданно всплыли в голове слова Благаны, сказанные ему старой целительницей при недавнем его визите в Зябкино, когда он приезжал к ней залатать скверную рану на плече. Немым упрёком раскололись они у рыжебородого витязя в мозгу, заставив сначала помедлить, а затем и вовсе присесть на корточки, вытирая булатное лезвие об одежду одного из зарубленных громил.

– И почему моя чуйка клекочет так отчаянно в груди, что я ещё пожалею о том, что распустил нюни да позволил ухиять прочь этому трусливому недоноску?.. – пробормотал себе хмуро под нос Ратибор. Могучий воин неторопливо убрал свой здоровенный тесак в ножны на поясе, выудил из черепушек поверженных неприятелей одноручные топоры и так же размеренно обтёр их об рубахи убитых. Поднявшись, молодой богатырь бросил угрюмый взор на лежащего недалеко, заворочавшегося купца. При ближайшем рассмотрении он показался Ратибору смутно знакомым, хоть и извалялся в грязи с ног до макушки. – Ты как, мил человек? Живой?

– Вроде... Кажись, даже не сломали ничего... Окромя носа. Здравствуй, Ратибор! Благодарю от души! Похоже, ты спас мне жизнь... – просипел в ответ уже как-то слышимый ранее рыжеволосым исполином голос. – Вовремя ты! Сам Перун, наверно, направил тебя в помощь глупому, самонадеянному юнцу, решившему взять с собой в столь дальний путь лишь одного возникшего, сэкономив на охране...

Ратибор удивлённо вскинул брови и, снова присев, на этот раз перед чумазым незнакомцем, поднял его голову за подбородок к себе. Капли дождя забарабанили по избитому, лишённому растительности лицу, смывая с него кровь и грязь.

– Чёботом Сварога мне по маковке, бывает же!.. – присвистнул озадаченно молодой гигант, обернувшись к только что воротившемуся на дорогу князьему племяншу, использовавшему вынужденную остановку с пользой, то есть попросту сиганув в ближайшие кусты по большой потребности людской. – Емелька, ты закончил матушку-природу удобрять? Прекрасно! Тащи тогда своё тряпье сюда, хорошему человеку надобно переодеться... Да не жмотись, конопатик надутый, не жмотись! У тебя же только носовых платков сундука на два припасено в куле походном! Шаровары неси в первую очередь, рубаху да плащ запасной!

– Здравия, Володий! Вот так встреча! В Змейград, что ль, катишь? – Ратибор помог встать юному лавочнику, оказавшемуся не кем иным, как сыном убитого в Мирграде купца Демидия. Довольно бесцеремонно усадив пострадавшего на край телеги, дюжий ратник бегло его осмотрел и, не найдя никаких серьёзных ранений, уверенно схватился большим и указательным пальцами за переломленный шнобель, осторожно нащупывая выпирающий хрящик.

– Ну да, планировал... Ой! Ай-яй!.. – вскричал от приступа острой боли Володий, когда Ратибор резко дёрнул пальцами влево, вправляя нужную косточку на место. – Предупреждай

хоть!.. – за коротким, но бурным потоком крови, хлынувшим из ноздрей, следом невзначай и слёзы брызнули из глаз уже натерпевшегося за вечер незадачливого горемыки.

– Кто ж о таком предупреждает, – снисходительно фыркнул могучий исполин. – В этом вся соль: отвлечь и вправить!

– Держите... – рядом наконец обозначился Емельян, нехотя протягивая Володию свои нарядные, как обычно, разноцветные рубаху и штаны. Плащ не понадобился: сильный ливень так же внезапно прекратился, как и начался. – Ратиборушка, хоть представь мне своего беспутного знакомого...

– Это Володий, сын Демидия...

– Хм! Того самого, которого э-э-э... это?.. – Емельян сконфуженно осёкся, словив на себе гневливый взор рыжебородого витязя.

– Да, того самого, – Ратибор обернулся к молодому барышнику. – А ента Емеля, племянш двоюродный Святослава. Прошу любить и жаловать... Пройдоха тот ещё!

– Рад знакомству с родственником самого государя, – криво улыбнулся уголками разбитых губ Володий. – Благодарю за одёжку, но мне не треба: есть у меня в телеге своя в загашнике... – кое-как стянув с себя порванные, мокрые и грязные рубашонку с портками, невезучий страдалец с отвращением выкинул их на обочину, принявшись переодеваться в извлечённые из недр повозки чистые одеяния.

– Кто там у тебя загорает в канаве? – Ратибор сочувственно кивнул на распростёртое в кювете бездвижное тело. – Напарник твой?

– Ну да... – тоскливо протянул Володий, спешно натягивая шаровары. – Возничего взял себе в дорогу... Старый друг отца. Зоркомиром звали... Не хотел ещё ехать без сопровождения, да я уболтал, бестолочь! Мне теперь кумекается, он просто меня одного побоялся отпустить... Я это только сейчас понял. Корить себя буду всю жизнь оставшуюся, что не послушал старика!.. Они его, ента, первым с облучка вышибли, а следом и меня... Садюжники какие-то попались! Нет чтоб заколоть быстро, так принялись же изгаляться!.. А потом просто утопили в канаве, как котёнка несмышлёного... Ещё и ржали при этом, твари!.. Зря ты последнего отпустил! – юный торговец зло сплюнул кровью. – Надо было его на ближайшем суку вздёрнуть!..

– Раз надо, значит, вздёрнем! Чуйка у меня, пересечёмся ещё... – мрачно проворчал Ратибор, после чего нетерпеливо кинул взгляд на княжьего племянша, с довольным видом поспешно убравшего свои цветистые тряпки назад, в походный мешок, как будто боялся, что купец сейчас передумает и возжелает-таки облачиться в его пёстрое шмотьё.

– Емеля, пошурши у лиходеев по сусекам! Монеты да цацки мертвецам уже ни к чему, зато нам в пути сгодятся! Оружие тоже заberi, не пропадать же добру! Найдём уж, на что махнуть аль где продать! Ну и лошадок ихних прихватим, не бросать же скотинку на дороге! Сбагрим на ближайшем хуторе. А то Свят накупердяйничал в этот раз, насыпал лишь серебра в дорогу, и оно стремительно заканчивается... Чай, не лето уж, на полянках ночевать не с руки в такое ненастье, а постоялые дворы три шкуры с путников дерут! Посему будем крутиться как можем... Накрайняк отщипнём из кисета с золотишком, который Турузу в дар передать надобно... Это уж коли совсем нужда прижмёт! Я привык гудеть на широкую ногу, если что, а не вести перекличку каждому медяку! Эх, не рассчитал чего-то князь, то ль запоматывал, что промозглая осень давно уж гуляет по Руси... А может, и просто пожадничал, хотя у самого после этого злосчастливого набега на караван закрома от золота ломаются! Вот ведь крохобор, молотом Сварога ему, да по нежным булкам! Правду говорят: чем барин богаче становится, тем прижимистее... Терпеть не могу состоятельных скряг, да чтоб они не к месту гадили себе в исподники каждый раз, когда алчность снедает их жалкие, пропащие душонки...

– Ратиборушка, мне что, по-твоему, больше делать нечего, кроме как обирать покойников?.. – Емельян, уже запрыгнувший в седло своего пони, недовольно скривился. – Они ж грязные как свиньи! Я сам сейчас весь извазюкаюсь...

– Не зли меня, плюгавец белобрысый, я дважды повторять не люблю, ты ведь в...

– В курсе я, в курсе!.. – Емельян по новой, с крайней неохотой, неуклюже сполз с крупя лошади, досадливо при этом гундоса: – Дожили, уже у мертвяков за пазухой шуровать заставляет!.. Сейчас, небось, ещё и закапывать велит! Хорошо, что у нас нет с собой лопаты...

– А потом, Емельяшка, в землю зарыть бы их надобно...

– С «радостью» бы ента сотворил, шатунчик рыжегривый, да слава Перуну, мотыги аль граблей в моём куле походном не имеется!

– У меня есть в телеге... – вклинился в разговор Володий к вящему неудовольствию Емельяна, возмущённо на это засопевшего. – Моего возникшего бы ещё похоронить надобно...

– Да чтоб тебе, купчишка, невзначай по языку серпом нерасторопная жинка саданула! Сам вот этих верзил вместе с баткиным приятелем и прикапывай тогда! А то мало того что спасли евойную жадную задницу, поскупившуюся нанять хотя бы пару рях охраны, так ещё и прибрать треба самим опосля! Хочется уже в кабак завалиться, где тепло, уютно и жаркое на вертеле крутится, а не вот ента вот всё: холод, дождь, слякоть, мертвецы, грязюка да лопаты...

– протянул тоскливо Емельян, брезгливо склоняясь над первым трупом. – О боги, и почему именно меня угораздило вляпаться в этот поход, а?! – тем временем деньги, украшения, ножи да топоры довольно шустро и ловко принялись перекочёвывать в загребущие руки явно пребывавшего не в настроении светловолосого писаря.

– Ты что, можешь приказывать племяннику самого князя? – прошептал между тем удивлённый Володий, озадаченно покосившись на Ратибора. – Тому самому, новому главе Тайной Канцелярии? Кого Святослав заместо себя в Мирграде править оставил недавно, покуда сам в походе военном пропадал? Я ничего не путаю, ента же он? И что характерно, бубнит вредно, но слушается ведь!..

– Да он ента, он... Ну и что в этом такого? Вот если, не приведи Велес, случится оборотный случай и приказывать уже мне начнёт Емельяшка, вот тогда ента будет трагедия и я крикну прям в седле от негодования, а тебе станется, чему подивиться... Лучше поведай как на духу, что твоей балде дурной за поход-то этот военный известно? – Ратибор выжидательно прищурился.

– Ты сам про него сейчас ляпнул мимоходом, когда государя за скупердяйство чихвостил. Ну а так, люди разное балакают... – Володий неопределённо пожал плечами, доставая лопату из повозки. – Говорят, что...

– Предлагаю выяснить, что там люди гутарят, в ближайшей харчевне, за доброй чаркой чего-нибудь горяченького аль крепкого, а не на безлюдной тропке под готовящимся вот-вот по новой зарядить ливнем! – сердито прошипел нахохлившийся княжеский племянник. – Ждёте, когда хляби небесные над нами опять разверзнутся?!

– А ведь ты прав, пустомеля! – Ратибор вынужден был согласиться с шепутным летописцем. – Давайте, пожалуй, до трактира допелёхаем, там и потрещим за милую душу! Только вот прикопаем хотя бы знаконца Володия; негоже хорошего человека волкам на съедение бросать аль просто гнить оставлять, аки пададь какую! А лиходеев в канаву скинем: им там самое место. Время на всякую нечисть ещё тратить не хватало!

– Золотые слова, Ратиборушка! Жаль, что столь простые до безобразия мысли посещают твою рыжую черепушку довольно редко...

– Заткнись, Емельян, – не обращая более внимания на надувшегося княжьего племянника, могучий великан бросил вопросительный взгляд на Володия. – Кибиткой-то своей править можешь?

– Конечно, – прокряхтел тот неуверенно в ответ. – Мне же носяру переломили пополам, а не руки... Вроде бы... Если Вы мне подсобите и проводите до Змейграда, благодарность моя не будет знать границ!.. Расплачусь звонкой монетой, как товар сбуду! И век не запомню...

– Засохни-ка ты, Вол, вслед за Емелькой, покудова подзатыльник не словил! Нужны мне твои деньги, как ослу второй хвост!.. Я с тобой за батьку и так до конца жизни не рассчитаюсь!.. – рывкнул раздражённо Ратибор, хватаясь за черенок лопаты и принимаясь рыть могилу шагах в десяти от обочины. – Эх, всё самому делать надобно... Дайте мне пару минут!

Быстро выкопав неглубокую яму около метра глубиной, рыжебородый витязь положил в неё тело возничего Зоркомира и тут же его засыпал, водрузив на получившемся пригорке среднего размера булыжник, найденный Емельяном недалеко. Как издревле положено самими Небесами, приятели постояли с минуту в тишине над погибшим, отдав тем самым последние почести, и после доброго рыка Ратибора: – Ну усё, погнали, обормоты! Мы же не грибочки, чтоб дожличка ждать, аки судьбы подарок... – странники вскочили в сёдла да поскакали вперёд, не шибко, впрочем, разгоняясь и подстраиваясь под ход еле слышно скрипящей телеги молодого лавочника, к которой вереницей привязали четырёх рысаков, ранее принадлежавших лиходеям.

Уже смеркалось, и дождь снова лил, будто из ведра, когда товарищи завалились в придорожный трактир под названием «Лисья нора», как гласила потрескавшаяся, обшарпанная вывеска над входом в сие неказистое с виду заведение. Друзья не изменили своим планам, решив переночевать в очередной, повстречавшейся недалеко от дороги, обветшалой, слегка покосившейся таверне, благо стоявшее на дворе осеннее ненастье к привалу под открытым небом по-прежнему не располагало.

Протяжно скрипнула входная дверь. Ратибор, зашедший первым, откинул с буйной рыжей гривы капюшон промокшего практически насквозь плаща и цепким, внимательным взором обежал полупустой зал кабака. Удивлённо задержав взгляд на смутно знакомой, необъятной фигуре, восседавшей в потёмках, в противоположном конце харчевни, рыжебородый великан повернулся к барной стойке, с удовлетворением отметив про себя, что память его не подвела: сам он в данную корчму завернул впервые, но слышал как-то мельком у Феофана в «Четырёх копытах», что «Лисью нору», постоялый двор на Степном тракте, держит женщина. И это ощущалось сразу же, ибо внутри трактира оказалось тепло, чисто и ухоженно. Чувствовалась женская рука. Слабый полумрак, царивший в относительно небольшом, но уютном помещении, разбавлялся лишь десятком горящих свечей в трёх старых канделябрах, периодически потрескивавшими алыми угольками в кухонном очаге и стоящем в начале первого этажа довольно крупном кирпичном камине, что только добавляло комфорта и идиллии, незримыми нитями витавших в трапезном зале.

– Здравия, хозяйшка! Будь так любезна, отвара горячего травяного из ромашек с шиповничком по доброй кружке сообрази троим жутко озябшим с дальней дороги путникам, то бишь мне и двум баламошкам позади, а также в-о-он того аппетитно отдыхающего на вертеле поросянка! – с порога громыхнул Ратибор, обращаясь к кабатчице, полненькой, дородной барышне средних лет, с интересом повернувшей к вошедшим всё ещё миловидное личико с чуть раскосыми очами, обрамлённое пышной каштановой шевелюрой до середины поясницы. – И о конях наших, кликни кого, пушай позаботятся! Накормить, напоить, помыть да расчесать! Повозка с барахлом тоже наша, притули куда-нибудь на ночку! Четырёх лошадок, что к ней позади привязаны, можешь себе забрать, в качестве платы за ночлег. Ну а за трапезу сытную мы кругляшами рассчитаемся полновесными! Распорядись, уважаемая, сделай милость, а уж я не поскуплюсь! – рыжеволосый воин небрежно метнул трактирщице несколько серебряных монет да вразвалочку прошествовал к оказавшемуся свободным угловому столику, звучно шлепнувшись на дубовую скамейку спиной к стене, а лицом к залу. Зашедшие следом за приятелем, продрогшие до костей Емельян с Володиём, беспрестанно шмыгая носами, запросили себе

в довесок к уже заказанному по миске горячих щей с потрошками. Восседавшая в таверне немногочисленная разношёрстная публика, оказавшаяся волей случая в «Лисьей норе» в сей непогожий вечерок, без особого интереса скользнула взглядами по новоприбывшим, с плохо скрытой завистью задержавшись лишь на могучем исполине, впечатлявшем своей мощью и статью всех без исключения.

– Здравствуй, здоровяк, коль не шутишь! Е-е-е-х, была бы я помоложе!.. С ходу ущипнула бы эдакого красавца за левую булку!.. Аль за правую... Как звать-величать столь славного воителя? Не представишься? – владелица харчевни восхищённо присвистнула, беззастенчиво и одобрительно разглядывая громадного бойца. Уж в чём в чём, а в мужчинах повидавшая ухажёров на своём веку опытная тётенька явно знала толк.

– Почему же нет? Как проснулся годков двадцать семь тому назад, так Ратибором и брожу с тех пор по белу свету!

– Что ента за плата такая странная за ночку? Четыре лошадки? Не жирно ли? Всего за одну ночёвку? Поди, упёрли у кого? Мне неприятности с ихними хозяевами не нужны...

– Не волнуйся, уважаемая. Они уже бесхозные. Скакуны, в смысле. Никто за ними не придёт, – гыкнул в ответ Ратибор. – Это коняги разбойников, кои уже червей кормят в придорожной канаве.

– Да что ты! Хорошо, ежели так... И кто этих лиходеев окочурил? Ты, что ль? Молодец! Меня зовут Смиляна. Рада приветствовать у себя новых постояльцев! Усё сделаем в лучшем виде, но извольте чуть обождать, а то мужёнок у меня разорваться не может! К сожалению... – корчмарка, заученным движением ловко словившая в воздухе брошенное ей серебро, по привычке попробовала каждую монету на зуб, после чего обернулась вполоборота и грозно рыкнула в подсобку: – Бождан, ты слышал заказ странников, благодаря Велесу не прошедших мимо нашей халупы? Будь ласков, уважь дорогих гостей! Тем более платят они вполне себе добренько, не жадничая! И пни там нашего младшенького, пуцай о конях путников да их телеге позаботится! А то шляется где-то Златоуст уж час почти, совсем от рук отбился! Да, четыре рысака, к повозке привязанные, наши, имей в виду! В случае чего, ежели кто поинтересуется, отбрехаемся, что в качестве платы за комнату приняли... Неслыханная щедрость, грех отказываться!

– Усё будет, дорогая, ща всё сварганим! – ворчливо раздалось из кладовой. – А сынка уж там, поди! Он сразу чует лошадей, ты же знаешь! Четырём коняшкам нашим новым порадуетсся как пить дать! Любит эту скотинку... Эх, как бы коневодством младшой не занялся... А к этому всё и идёт! Тогда точно старшему, как, впрочем, и планировали, хозяйство наше в наследство достанется! Любодар заслужил... Но на пару с дочей, конечно!..

– Благодарю, отец! Да только не рановато ли вы с матерью размышлять на енту тему стали?! – прошелестел насмешливый мужской голос из кухни. – Сами-то ещё ого-го, нас всех переживёте!

– Типун тебе на язык, полоумная твоя башка! – Смиляна аж закашлялась, поперхнувшись от праведного возмущения. – За что ж ты нам с батькой горя такого желаешь?! Ведь нет ничего хуже, чем когда родители хоронят своих детей!

– Это, ик, бесспорная истина, почтеннейшая хозяйюшка! – встрявший Ратибор глубоко-мысленно икнул. – К утру, будь так добра, собери нам припасов в дорогу, а то поиздержались мы в пути... Ладушки? – рыжебородый гигант, отсыпавший согласно кивнувшей Смиляне в подставленную руку ещё серебра, на пару с Емельяном и Володиём, шустро расположившись за столиком, тут же принялись, грея ладони о горячие чарки, небольшими глоточками торопливо отхлёбывать ароматное варево. Ну а после, заказав вдобавок пару кувшинчиков кваса, налегли кто на душистые щи, а кто на румяного поросся, принесённых владелицей и Агнешей, ещё довольно юной, всего пятнадцати лет от роду, дочерью хозяйки, очень походившей внешне на свою мать. Минут на десять за столом воцарилась тишина, сопровождающаяся

лишь громким чавканьем; трое путешественников с удовольствием накинудись на еду, споро уплетая за обе щёки заказанные блюда.

– Ты как без охраны в столь дальнее далёко поплёлся-то? – наконец наевшись и отодвигая в сторону остатки поросся, Ратибор громко рыгнул на весь кабак и лениво воззрился на также отужинавшего уже Володия. – Я ведь вроде подкинул тебе денюжат с лишком? Ты гутарил, и на возникших, и на дуболомов хватит туда и обратно смотаться? Вроде не барашка-дурашка по виду, а так лопухнулся!..

– Да решил как раз, по неопытности, что на дурачка и проскочу! Вроде на Степном тракте особо не лютовал разбойничий сброд последнее время!.. – Володий виновато потупился. – А остальную часть монет Милесе отдал... Не мог же я уйти, оставив жену с малым ребяёнком вообще без средств к существованию...

– М-де уж... ик! – скептически икнул в миску с щами Емельян. – Г-о-л-о-в-а!.. Не стать тебе купцом знатным, коль бушь в том же духе продолжа...

– Засохни, плесень, – беззлобно рыкнул на князьего родственника Ратибор, оборвав того на полуслове, после чего вновь переключил своё внимание на их нового попутчика. – Будет тебе уроком хорошим на всю оставшуюся жизнь. Кабы ты ещё постоять за себя мог, я бы понял, а так... Чего везёшь-то хоть?

– Я могу за себя постоять! Просто ента случилось неожиданно... Хотя кому я вру: прав ты! С одним я бы ещё сладил!.. Наверно... – вспыхнул пунцовый от стыда и гнева Володий, впрочем, тут же вновь понурился в пол. – А везу знамо чяво: пяток кольчужных комплектов мастеров заморских, кои отец неведомыми мне путями как-то достать умудрился на перепродажу. В Змейграде очень ценится, да... Как, впрочем, и везде. Ну и также десятка два ожерелок и бус из морского розового жемчуга да полбочонка янтарного камня из Борграда. И то, и то диковинки на юго-востоке. Покупатели уже давно ждут не дождутся! Ежели удастся добраться да сбыть, по пути не разбазарив, озолочусь... – опасливо озираясь по сторонам, тихо пропыхнул Володий, после чего быстро поднялся и со словами: – Пойду гляну, как там телега моя устроилась. Заодно и лошадей наших проведу. Напоили их, накормили ли... – стремительно утопал на выход.

– И с таким добром он отправился в дорогу один, без охраны?.. Имея в напарниках лишь престарелого дружку бати?.. – едко проверещал Емельян. – Ну и остолбень!..

– Молодо-зелено... Кто не совершал ошибок по юности горячей... – пробормотал задумчиво в ответ Ратибор, из-под прищуренных век всё пытаясь рассмотреть в противоположном конце трапезной огромную тень, бросившуюся ему сразу в глаза после того, как он ступил на порог таверны. Но чётко разглядеть, кто там, такой необъятный, восседает, рыжебородый витязь не мог, как ни старался, ибо свет в тот угол практически не доходил. Зато дюжий ратник буквально копчиком чувствовал на себе ответный, колющий, очень враждебный взгляд.

– Всё нормально! – вернувшийся вскоре назад Володий облегчённо шлёпнулся на скамью рядом. – Сынок хозяев, Златоуст, позаботился о кибитке с тягловыми! Толковый малец, всё по совести сделал! Повозка надёжно укрыта, кони напоены и уже свежий овёс трескают! Отстегнул я парню две серебряные монеты за труды, заслужил!.. Только знаешь вот чего? Вроде как лошадь у них в конюшне стоит смутно знакомая... – озадаченно пробубнил молодой лавочник. – Где-то её видел мельком совсем недавно, да не могу вспомнить где... Может, в Мирграде, на выезде?.. Да не... Но явно где-то лицезрел эту кобылку с крупа! У неё ещё пятно белёсое на левом бедре, на грушу похожее по форме...

– Кажись, я знаю, где ты наблюдал сию клячу... Ента судьба!.. – Ратибор внимательно осмотрелся, пробежавшись глазами по нескольким торговцам с немногочисленной свитой да паре-другой охотников на рябчиков, разбросанных по залу и уминавших медовуху аль вино. Не заметив ничего подозрительного, он опять упёрся взором в дальний тёмный угол, в котором

совершенно явно, помимо необъятной тени, восседало ещё три-четыре человека, ведущих себя на удивление тихо, что представлялось весьма странным.

«Обычно под хмелем языки быстро развязываются у расслабленного, гуляющего люда. А эти лишь шушукуются втихаря между собой... Никак, замыслили, что ль, чего... – с ленцой думал рыжеволосый воин, которого начало снестать щенячье, поистине детское любопытство. – Сходить, что ль, в рожи им свечку сунуть? Страсть как интересно, кто это там такой скрытный прячется...»

– И?.. – налив себе кружку кваса, Володий прервал неторопливые размышления молодого богатыря. – Где лошадку-то енту я мог лицезреть?

– Там же, где и я! – довольно хмыкнул в предвкушении намечающейся заварушки Ратибор. – То бишь...

– На том самом месте, Вол, – продолжил с набитым ртом за своего приятеля Емельян, который заказал себе ещё одну плюшку щей в качестве добавки, – где тебя сегодня знатно отмутили!..

– В самое яблочко, Емеля! Молодец, растёшь, наблюдательность развиваешь в себе! – одобрительно проворчал рыжеволосый великан, после чего насмешливо покосился на растерянного Володия. – На этой кобылке умчался прочь последний злыдень! Ну, тот самый, кого на суку вздёргнуть надобно было! У егошней клячи как раз в виде пятнышка груша светлая на заднице слева красовалась! Чую я, наше знакомство с местными душегубами вскорости возобновится...

Как бы подтверждая слова Ратибора, огромная тень за дальним столиком зашевелилась, наконец, выползая из сумрака. Народ в трапезной испуганно замолк, гул голосов стих; люди поникли головами, боясь встречаться очами с вышедшим на свет здоровенным воином лет тридцати на вид; ростом за два метра, нескладно сложенный, в широких шароварах и рубахе с надетой поверх овечьей безрукавкой, под которыми угадывались свисающие шматы сала; гигантский боец явно внушал всем окружающим страх. Не сказать, что он был прямо совсем уж с необъятным пузом, нет, скорее безобразно бесформенный; плечи и бёдра его располагались на одной ширине. Неправильной формы квадратное одутловатое лицо свиноподобного громилы исказилось гримасой ярости, когда исполин, играя заплывшими жирком, но всё ещё могучими мышцами, не спеша, валяжно потопал через всю харчевню к нашим путникам. Те оказались единственными, кто не отвёл взгляд в сторону при виде надвигающейся на них горы из мяса, костей и плоти.

– Это они, Карбус! Я уверен! – прокричал неприятный, уже недавно мельком слышанный голос из-за мешковатой туши возникшего из полумрака оппонента. Принадлежал этот визг, как вскоре выяснилось, тому самому, последнему бандиту, коего Ратибор, дав слабину, по доброте душевной отпустил. Вынырнув из-за бескрайней спины своего товарища, тот принялся поспешно, взхлёб долдонить, торжествуя тыча указательным пальцем в троих друзей, слегка опешивших от разыгрывающегося представления. – Мы, значит, вон того купца безбородого щипаем себе тихонько, щипаем, а тут вдруг два этих негодяя как прискакали, как прискакали! Один, правда, вроде гадить убежал сразу, а второй, вот этот, рыжий вепрь, напал на нас подлю, со спины! Пока я опомнился, он уж всех моих молодцев на полешки постругал! Я храбро сражался, но в конце концов вынужден был отступить, дабы добраться до тебя и сообщить ужасную весть!..

– Замолкни, Сызлюк, я думаю... – протяжно прогудел Карбус. Позади него, помимо низкорослого разбойника, маячили ещё две заросшие жёсткой щетиной, недобро ощерившиеся рожи.

– Ратиборушка, пока говорящая хрюшка пытается нащупать у себя размякшие от беспробудного пьянства мозги, не мог бы ты ответить мне на один вопрос: тебе никого не напоминает этот ходячий сальный кусок, а? Помнится, я видел как-то мельком у твоих ног нечто

похожее... Ну, у Феофана в «Четырёх копытах»! – Емельян потрясённо осмотрел нависшего над их столиком здорового противника, после чего вопросительно поднял брови, обернувшись к рыжебородому витязю. – Когда я ещё за тобой прибёг, перед нашим походом в Бобруйское селение, припоминаешь? Правда, тот студень показался мне куда пообъёмнее и жирнее, а этот боров вроде повыше да помощнее... Но сходство определённо имеется, к ведунье не трюхай!.. Чай, не из одной ли утробы-то вылезли...

– Я Карбус!.. – «боров», нервно теребя рукоять массивной шипастой палицы, болтающейся у него на поясе, непонимающе перевёл злобные пороссячи глазки с Емельяна на молодого богатыря, явно пытаясь уловить суть их разговора. – Вы убили моих людей сегодня, на Степном тракте?

– Допустим... – дюжий ратник протяжно зевнул. – Нечего безобразничать при свете дня...

– За ента вам будет теперича очень больно! – грузный боец буравил рыжегривого воина рассерженным взором. – Этот конопатый сосунок, что кукарекал сейчас рядом, пропищал твоё имя. Да и Смиляна на входе интересовалась.... Ты Ратибор? Тот самый, из Мирграда?

– Угу. Дальше чего?

– Я – Карбус!

– Да что ты лялякаешь! – ехидно кашлянул Ратибор. – Ну-ка, хрюкни ещё раз, желе бесформенное, ведь боги любят соображать на троих...

– Ты ведаешь, с кем балакаешь?! Карбус, это я! – встрепенулся в гневе пухлый верзила. – Вся округа дрожит в страхе от одного упоминания моего имени!..

– М-дя? В таком случае сделай милость, не серчай, хряк оплывший, что меня не потрясывает, а на ха-ха пробирает, – едко усмехнулся могучий русич. – Но уж больно забавно ты курлыкаешь, рыхлый...

– Барбуля! Ты знаешь это имя? – Карбус, сжав кулаки размером с добрую гирию каждый, в бешенстве начал брызгать слюной, спугнув с насиженного места Володия с Емельяном, боязливо сиганувших в угол, за спину своему громадному приятелю.

– Хм, доводилось слышать! – Ратибор же так и не двинулся, разве что под налившимися кровью очами тучного ворога не спеша отхлебнул кваску прямо из кувшинчика.

– Это мой старший брат! Он пришёл за твоей башкой, когда за неё по весне назначили награду в триста золотых, и более я о нём ничего не слышал! – протяжный неистовый вопль разнёсся по кабаку. – Отвечай немедля, где Барбуля, покуда я с тебя шкуру живьём не содрал!

– Кхы, ента ж всё объясняет! А то вижу я смутно всплывающую в памяти объёмистую тень и начинаю кумекать, что мне отвар из дурман-травы, поди, подсунули, ибо не должна она тутова маячить! Емелька, ты оказался прав, тулово-то знакомое! – Ратибор облегчённо выдохнул, нагло уставившись в маленькие глазёнки откормленного толстяка, и невинно продолжил: – А бабуля твоя студнеобразная пала смертью храбрых. Прими мои искренние соболезнования! Билась отчаянно, да, но не сдюжила!.. А вот где захоронили тот кусман салыца толстозадый, я не в курсе, уж не серчай...

– Как она погибла... тьфу, он! Как он погиб?! – пухлый воитель с ненавистью сверлил зенками вальяжно откинувшегося на лавке рыжебородого ратника. – Поводай-ка перед смертью...

– Самоубийство, ента грех... – брякнул многозначительно Емельян, при этом не без сочувствия покосившись на тугодумного головореза.

– Как-как, налетел маковкой на свой же ятаган. Не без моей помощи, конечно... – между тем Ратибор звонко хрустнул костяшками пальцев. – Но сдох быренько, не изволь волноваться по этому поводу! Так уж и быть, по доброте душевной рассказал тебе перед кончиной... Твоей, естественно!

– Ты, рыжая псина, кажись, не расслышал меня?! Я Карбус, а Барбуля – мой любимый брат!..

– Чего заладил-то одно и то же? Плевать я хотел на тебя да на твоего покойного братишку, понял меня, слизень?! А за псину я кое-кому сквознячок в черепе устрою сей миг... Емеля, проследи, чтоб мой квасок ждал меня в целости и сохранности! А то одна жирная тушка ща ка-а-а-к хлобыстнётся где-то рядышком... – Ратибор не спеша принялся подниматься, но в это мгновение по широкой дуге внезапно просвистела шипастая палица, метя в голову молодому богатырю. Рыжая грива резко качнулась в сторону, стремительно уклоняясь от неожиданного удара. Утыканное ржавыми гвоздями навершие самодельной булавы, лишь слегка чиркнув по огненным космам на лбу, полетело по инерции далее и, вдребезги расколошматив практически полный кувшин с любимым янтарным напитком могучего гиганта, глубоко впилося в добротную дубовую столешницу, крепко в ней застряв. Разлетевшийся вдребезги жбан знатно окатил расплескавшимся квасом Ратибора, в наступившей после тишине заставив того грозно прищуриться и через пару секунд мрачно процедить сквозь зубы: – Ента ты сейчас зря сделал, ошмёток дерьма ослиного...

Поднявшись, дюжий ратник стремительно обогнул стол и сильно пнул в бок растерянно заморгавшего Карбуса, заставляя того отступить на пару шагов назад и выпустить из волосатых лап рукоять плотно засевшей в столешнице булавы. Младший брат Барбули явно рассчитывал одним махом закончить противостояние, внезапно и подло саданув своей жуткой дубиной по рыхе нахального оппонента. Но что-то пошло не по плану: тот оказался на удивление проворным, и лишь тоненькая кровавая бороздка, проступившая над левой бровью Ратибора, свидетельствовала о том, насколько близко к цели пришёлся коварный удар.

Могучий витязь вырос перед своим противником, и зал, неотрывно наблюдающий за начавшейся схваткой, поражённо ахнул, ведь изумляться было чему. По росту оба бойца оказались равны, а по ширине плеч Ратибор, явно куда лучше сложенный, и вовсе превосходил оппонента. У последнего, правда, оказались чуть длиннее да мясистее руки, что только добавляло чудовищной, корявой непропорциональности телосложению Карбуса. По трапезной прошелестел торопливый шепоток: завсегдатаи с азартом принялись делать ставки, кто кого одолеет.

Пара свирепых исполинов же, изготовившихся к поединку, всё сверлила друг друга враждебными взглядами, пытаясь одновременно предугадать следующее действие замершего напротив соперника. Ратибор не потянулся за притулившейся в уголке позади секирой, а блятающиеся на поясе чеканы с ножом не спеша выложил на стол, очевидно, рассчитывая на честную рубку на кулаках. Только вот его враг явно не страдал подобным благородством.

Не выдержав повисшего в воздухе напряжения, Карбус сграбастал левой рукой молодого богатыря за ворот рубашки, спустя миг нанося снизу вверх резкий удар зажатым в правой длани кинжалом с причудливым, слегка изогнутым, волнистым лезвием, выхваченным им за секунду до этого из ножен на ремне. Ратибор ловко поймал на лету, за кисть лапу с необычным стилетом, и в тот же момент здоровенный разбойник резко дёрнул на себя рыжебородого берсерка, одновременно пытаясь всадить ему шишковатый покатый лоб в лицо. Но несокрушимый мирградский великан снова оказался быстрее: опять отклонив физиономию чуть в сторону, он увернулся от пришедшегося лишь вскользь страшного удара, после чего сам жёстко сцапал противника правой ладонью за густую тёмную бороду, отгрузив затем в удивлённую ряху обрюзглого громилы уже свою плюху головой, тут же сломав тому нос. Раздался характерный хруст, кровь фонтанчиком брызнула из перебитого шнобеля Карбуса, обильно окропляя как его самого, так и стоящего напротив Ратибора. Но массивный душегуб хоть и оказался в прострации да знатно покачнулся, но всё же устоял на ногах, так и не отпустив ворот рубахи лучшего бойца Мирграда. Тот же, наоборот, разжал пальцы, позволив бородёнке противника выскользнуть из них, и освободившейся правой лапой, стремительно сжавшейся в пудовый

кулак, нанёс из-под вражеской ручки дезориентированному противнику снизу вверх резкий, короткий, но вместе с тем мощнейший апперкот в челюсть. Чудовищной силы удар непомерно и неестественно задрал Карбусу харю к потолку. Что-то опять хрустнуло, и родный братец Барбули так и замер в данной нелепой позе, остекленевшими глазами уставившись в потолочные перекрытия. Ратибор же, проворно выхватив левой дланью из враз ослабшей руки противника серповидный кинжал, шустро всадил его по гарду под рёбра оппоненту, после сильным рывком дёрнув вправо, вспарывая вдобавок негодяю обширное брюхо. Но всего этого Карбус уже не чувствовал, ибо могучий крюк молодого богатыря, прилетевший малость ранее по бороде, оказывается, сломал необъятному бандиту шейные позвонки. Чуть по инерции постояв на пятках, покачивающаяся сальная туша грозного верзилы стала заваливаться навзничь, утягивая за собой Ратибора, ибо онемевшие пальцы на правой ладони рыхлого лиходея так до сих пор и не расцепились, по-прежнему крепко сжимая косоворотку дюжего ратника. Раздался треск рвущейся рубахи.

– Да чтоб тебя, собака!.. – зло прорычал рыжеволосый исполин, поспешно выдёргивая оказавшийся довольно тупым кинжал из пуза падающего на спину громалы и лишь со второй попытки отсекая его правую кисть, так и оставшуюся висеть на вороте рубашонки. Спустя мгновение, с жутким грохотом объёмное безжизненное туловище Карбуса громко хлопнулось о пол таверны, казалось, даже слегка проломив своим весом добротный дубовый настил уютной корчмы.

В «Лисьей норе» настала гробовая тишина. Честной люд, поражённый столь быстрой расправой над казавшимся непобедимым громадным бандюганом, ошарашенно переводил взгляд с хмурого Ратибора, с угрюмым видом пытающегося-таки отцепить от порванного ворота своей рубахи отрубленную кисть оппонента с намертво вцепившимися в полотняную ткань одеревенелыми пальцами, на его поверженного противника. Тем временем из безмерного вскрытого брюха Карбуса всё продолжали и продолжали с мерзким хлюпающим звуком вывалиться наружу окровавленные, дымящиеся внутренности.

– Если ты, медвежонок, сотворил такое с человеком, разбившим тебе кувшинчик с квасом, страшно представить, что ты сделал бы с тем, кто без спроса, ненароком посмел высморкаться в твой носовой платок...

– У меня их нет, Емеля, ибо сопли не беспокоят с рождения, – степенно проворчал в ответ Ратибор. – Здоровьем, слава Перуну, боги не обидели.

Начавшийся диалог растопил повисшее в трактире молчание: трое лиходеев, стоявших за спиной своего павшего жожака, затравленно переглянулись и, как по команде, сиганули к выходу. Но уйти удалось лишь двоим: Сызюка словил Володий, встав у него на пути и ударив того в шею выхваченным из-за кушака ножом. Судорожно схватившись за смертельную рану на горле, последний из пятерых головорезов, напавших на купцов на Степном тракте, противно хрипя, завалился набок, распластавшись чуть поодаль от тела почившего в небытие Карбуса.

– Это тебе за Зоркомира, погань! – зло бросил Володий. При этом руки его ходили ходунгом; нож выпал из них, с глухим звоном шмякнувшись о пол.

– Первый раз?.. – Ратибор, наконец отодрав от косоворотки безжизненную длань сражённого им тучного бойца, равнодушно откинул её в сторону и понимающе посмотрел на сына Демидия, малость ошалевшего от произошедшего. – Поди хлебани чарку медовухи. Вскоре отпустит... А нет, так наверни ещё кувшинчик.

– Угу, до этого не убивал... Хотя всю жизнь мечтал витязем стать! Могучим воином... Как ты!..

– Какой мужчина! Силён, ничего не скажешь! Так легко уделать самого Карбуса!.. – резко перебивая юного торговца, изумлённо проскрипела на весь кабак Смиляна, не сводя восхищённого взгляда с Ратибора. – Фуфайку он тебе, правда, порвал... Давай зашью да постираю заодно, благо кровушку только холодная водица берёт, а у меня как раз пузатая кадка с тако-

вой в сей миг имеется под рукой... – хозяйка снова с восторгом цокнула языком, на пару со стоящей рядом дочкой Агнешей, когда молодой богатырь стянул с себя косоворотку. – Ух, хорош! Женат, конечно? Жаль... Но каков молодец, а! – беззастенчиво разглядывая голого по пояс, чуть смутившегося от такого пристального внимания к своей скромной персоне Ратибора, владелица приняла у него заляпанную рубашку, после чего сцапала со стойки кружку медовухи и подала Володию, добродушно проурчав: – На, держи, лапоть! За счёт заведения! Осуши залпом, полегчает!

– Ратиборушка, – тихо зашебетал приятелю Емельян, лукаво при этом улыбаясь. – Кажись, хозяйюшка и мелкая Агнешка запали на твою рыжую гриву! Притащу-ка я запасную одежду с нашего куля походного, покуда они тебя на голяшки не раздербанили! А то опосля Марфа одну ржавую задницу точно на холодец пустит, вследствие чего Мирград падёт ниц пред приближающимся к нам лютым врагом, ибо без тебя не сдюжим... Но ента безобразие я сейчас предотвращу, не изволь волноваться! Эх, хорошо, что взяли и тебе парочку рубашонок про запас, а то бы до утра куковал голышом до пупа... Зная тебя, я ведь сразу сказал, что пригодятся в пути, ибо ты ж не можешь куда-нибудь не вляпаться да не замараться! Э-эх, и что бы ты без меня делал, Ратик! – с этими словами княжий племянник споро ломанулся на выход и, вскорости вернувшись, притащил с собой чистую одежду могучего витязя. К явному неудовольствию мамы с дочкой.

Таверна тем временем ожила. Люди радостно и вместе с тем опасно шушукались, глядя, как Бождан, Златоуст, Любодар и подрядившийся им в помощь Володий, кряхтя от натуги, выволакивали из помещения неподъёмную тушу Карбуса. Тело Сызлюка уже вытащили наружу без проблем. Обоих тут же свалили в одну могилу у небольшого пригорка недалеко, за трактиром, решив закопать не ранее, чем утром: сейчас уже стемнело, и возиться ночью с лопатами желающих не нашлось. Но срезать кошело у скоропостижно усопших не забыли, заодно прикарманив себе их кольца, ножи да булаву с топориком; они покойникам уже без надобности.

– А ты чего не помогал тулова мертвяков ворочать? Боялся уделать новую рубаху? – Смиляна без спроса подсела к Ратибору, Емельяну и воротившемуся Володию, поставив перед ними за счёт заведения по кувшинчику вина с медовухой и пивом.

– Вроде того... Кто ента такие были? – рыжеволосый исполин вопросительно поднял левую бровь.

– Я как раз хотела вас предупредить... – Смиляна тревожно сверкнула кофейными очами. – Разворачивались бы вы да скакали взад, как приехали... Тем более, как я поняла, вас уже дважды пронесло: первый, когда встретили этих лиходеев на Степном тракте и отделались лёгким испугом, а второй – сейчас... В третий раз так может и не сvezти, ибо вы мчите в Змейград, то есть туда, где вас наверняка будут поджидать их дружки, ведь двое-то успели сигануть вон... Ай, да даже если бы вы им уйти и не дали, свидетелей в кабаке, как карасиков в тихой запруде!.. Эх, кабы знала с самого начала, на кого вы на Степном тракте наткнулись, предостерегла бы сразу, что тут их собутельники сживают...

– Уж не из Ночного Братства ли эти головотяпы? – мрачно протянул Емельян, под неодобрительным взглядом Ратибора наливший себе чарку пива. – Я так, горло промочить... Вздоражился весь, понимаешь?.. Непокойность моя повысилась!.. Разрядка необходима... – промямлил неуверенно глава Тайной Канцелярии, на всякий случай отсев от нахмурившегося товарища на пару метров. Чтоб не дотянулся в случае чего.

– Ну да, из него самого, из ентого проклятого братства разбойников! Откель вынюхал?.. – удивлённо крякнула Смиляна. – Карбус их грубой силой... был. Со своей семёркой отпетых душегубов! Местных-то они особо не цепляли, мы ж и взбунтоваться можем... А вот приезжих периодически тормозили прямо на дороге, когда на хмель не хватало!.. На этот раз не повезло тебе, мальчик...

– Я уже давно не мальчик! – обиженно протянул Володий, осушивший залпом, как и было рекомендовано, кружку с медовухой и тут же принявшийся за кувшин.

– Прости, боец, не дуйся! – уголки губ повидавшей на своём веку Смиляны расплылись в грустной улыбке. – Уже не мальчик, тут ты прав... Только не давно, а совсем недавно стал ты мужчиной, а точнее, с сегодняшнего вечера... Как убил своего первого врага.

– Тебе-то ничего не будет за то, что нас привечаешь? Каморку для ночёвки выделила...

– Переживаешь за меня, красавчик? – Смиляна довольно захихикала, сама прикладываясь к жбанчику с вином. – Пушай попробуют тронуть! Меня все в этих краях знают, даже князь Таислав, сам правитель Змейграда, пару раз останавливался! Да и разве виновата я, что этих нелюдей у меня отоварили?! Те ещё твари были... Но на всякий случай, – поначалу принявшаяся беззаботно рассуждать вслух корчмарка к концу монолога посерьёзнела, – утречком прошу покинуть мою харчевню. В ночь не выставлю на порог, так уж и быть, но завтра чтоб ноги вашей здесь к обеду не было! Что от этих душегубов ожидать, не ясно... Но ничего хорошего, ента уж точно!

– Не волнуйся, уважаемая, – Емельян согласно икнул, осушая кувшинчик с пивом. – Завтра с утреча улетим прочь, аки воробушки в тёплые края...

– А что, воробьи на юга кочуют? – вымолвил изумлённо Володий. – Не знал...

– В Емелькиной голове и не такие чудеса происходят... – Ратибор придержал за руку собравшуюся уходить Смиляну. – Благодарим, хозяйка. Утром свалим. Ежели не случится непредвиденного... А с ночными недотёпами я погутаю. Ну, чтоб не смели тебя тревожить. Знаешь, я порой бываю очень убедителен.

– Ух, какой смельчак! Но не стоит, мы сами как-нибудь разгребём... Ну а ты можешь опосля, как всё утихнет, воротиться да хоть жить у нас остаться, косолапик! – владелица игриво подмигнула рыжебородому воину и убежала хлопотать по хозяйству, благо ещё несколько продрогших путников показалось на пороге.

– Ратиборушка, меня интересует один вопрос: сколечко ты заплатишь?.. – дождавшись, когда Смиляна отойдёт, ехидно спросил раскрасневшийся княжий племянник, плеснув себе пред тем в кубок медовухи.

– Э-э-э, не понял? За что?

– Как за что? Конечно, за моё молчание! За то, шатун рыжезадый, что Марфа не узнает, как ты тут, далеко от неё крутил амурные шашни с кабатчицей и ейной милой дочуркой...

– Ты под хмельными парами взаправду решил, Емеля, что ежели отсел на сажень от меня, то достать не смогу?

– Да шучу я, Ратик, шучу!.. Не напрягайся... Не порти вечер гневливым шепуньком! Гуляем же! Выпей лучше с нами! – говорливый летописец пошёл вразнос, заказав ещё по кувшину вина с пивом.

– Да, Ратибор, – ожидаемо поддержал порыв Емельяна Володий, душа которого после кружки и жбана медовухи также требовала продолжения пиршества. – Давай посидим, отдохнём... Когда ещё получится так собраться? Я сегодня вообще, можно сказать, заново родился...

– Ну пожалуйста, Ратиборушка... – князьему племяшу вдруг взгрустнулось. – Впереди враг маячит, которого ещё не ведали мы! Как знать, быть может, в последний раз вместе чарки поднимаем... Ведь за ошибки властителей в первую очередь всегда рассчитываются их подданные, то бишь простой народ. Причём мзда эта порой непомерна. Подфартит, ежели удастся деньгами аль имуществом откупиться. Ну а если не свезёт, то жизнями придётся расплачиваться. Как своими, так и близких, родных...

– Не каркай, Емеля!.. И не канючь! Ты-то, ежели чего, не из холопов родом! Так что не жалобись на судьбинушку!.. Тоже мне, простолюдин выискался... – молодой богатырь насупленно переводил взгляд с одного хмельного горемыки на другого, что усталились на него умо-

ляющими телячьими очами, как будто их на убой мясник уводит. Хотев было рявкнуть про то, что ночь уж на дворе, а завтра рано вставать, Ратибор, неожиданно даже сам для себя, под радостный писк приятелей вдруг махнул устало рукой и пророкотал на полкабака: – Ай, да пёс с вами! Хозяйка, тащи ещё медовухи! Сейчас покажу этим соплякам бедолажным, как пить надобно!..

Глава 4. Змейград

– Значит, в том походе крайнем ломанули вы с князем во главе некий караван заморский, убив в довесок ко всему наследного принца великой Ослямбской империи, у которой... Сколько ратников в войске-то? Десять раз по десять, если в тысячах? – правивший телегой Володий, весь помятый после ночной попойки, покосился на угрюмого Ратибора, неспешно ехавшего рядом по Степному тракту на своём вороном. Молодому богатырю так же явно было не очень хорошо после вчерашнего. Впрочем, куда лучше, чем дрыхнувшему мертвецким сном в повозке купца Емельяну, который с утра встал только потому, что обнаружил подле себя на столе, где и заснул, жбан с вином, тут же умудрившись осушить его да заказать себе ещё, то есть попросту говоря, шустро налакаться по новой. Благо на старые дрожжи разошедшемуся баламуту хмель лёг просто отлично.

Друзья гуляли почти всю ночь, задремав, лишь когда уже начало светать. Ясное дело, что рано утром, с петухами, как собирались, выдвинуться не получилось: товарищи выползли из «Лисьей норы» лишь к обеду, что очень разозлило Ратибора, обещавшего хозяйке убраться пораньше. Впрочем, та не особо осерчала, с пониманием отнеслась к случившемуся гульбищу; ну с кем не бывает. Тем более расплатились путники щедро, а могучий великан ещё ночью, после пары литров хмеля клятвенно заверил Смиляну, что гильдия воров да убийц точно её не побеспокоит, ибо владеет он даром убеждения, который и всенепременно применит к разбойникам по прибытии в Змеиный град. Что это за дар такой, Ратибор не стал уточнять, и лишь Емельян отлично его понял, но предпочёл с приятелем не спорить. «Авось пока доедем, ветерок в головушке и переменится...» – покумекал про себя лениво добро налакавшийся к тому времени непутёвый летописец.

– Ну да, где-то так... – тем временем пробурчал Володию в ответ рыжеволосый гигант, жадно отхлёбывая из бурдюка с прохладной водицей. – Около ста тысяч воителей у них. Ну и россыпь машин разных осадных диковинных. Про тараны уж молчу...

– М-дя-я-я-я... – протянул огороченно Володий. – Не, народ, конечно, разное на базаре да в кабаках Мирграда балакает, но чтоб такое!.. И чего же вы собираетесь делать?

– Надавать им по шапке, вариантов-то не много... – фыркнул зло Ратибор. – Что нам ещё остаётся?..

– И как же, уж позволь полюбопытствовать, мы сдюжим ента осуществить?.. – Володий озадаченно крикнул. – Если не ошибаюсь, наше войско раз в десять меньше...

– Как, как... Понятия не имею, как сдюжим... – видно было, что Ратибору на эту тему размышлять приходилось не впервой. – Но сладить с ними надобно, иного выхода нет! Иначе... Карачун с серпом во плоти да наяву нам безобидным серым зайкой покажется!.. Я покамест лишь два способа вижу: надо теревить всех наших друзей да союзников и собирать такую же огромную рать... Хуже вариант, попробовать уморить врага долгой осадой, дотянув до зимних морозов. Это ежели не срастётся объединить русичей...

– Хозяйка, вина!.. – раздался из телеги полусонный, полный страдания голос очнувшегося Емельяна. – И не трясите так харчевню, изверги, а то меня сейчас наизнанку вывернет...

Тихой сапой приятели, останавливаясь на ночлег в придорожных постоялых дворах, через три дня добрались-таки до цели своего путешествия. Население Змейграда насчитывало порядка двадцати девяти – тридцати тысяч человек, и это было самое крупное поселение русичей на юго-востоке, объединявшее вокруг себя ещё несколько городков поменьше; далее же

простирались лишь бескрайние степи, принадлежавшие несметным диким кочевым племенам. В воинстве Змеиног княжества, одном из самых многочисленных в Древней Руси, состояло на постоянной основе не менее восемнадцати-двадцати тысяч витязей, и «змеи» достойно выступали последним рубежом, не позволяя наглым степнякам проникать через свои земли на территорию соседних государств.

Над массивными воротами, единственными в граде, уныло висел поникший под противно морозящим осенним дождём стяг «гадюк», изображавший прямоугольной формы щит, на котором возлежал меч, обвиваемый змеей. Мирградские грамоты позволили беспрепятственно миновать пост охраны на входе Ратибору с Емельяном. Володий же слегка подзадержался, так как высланные ему покупателями, ожидающими свои товары, гостевые пригласительные бумаги оказались изрядно помятыми и подмокшими после первой встречи с разбойниками на Степном тракте. Но в конце концов бдительные стражники пропустили вовнутрь и юного купца из Мирграда, не забыв перед этим содрать с него двойную плату за проезд.

Погода на удивление наладилась, даже заставив странников скинуть плащи, чему способствовало выглянувшее из-за мутно-сизых туч солнышко, правда, едва уж греющее. Остановились трое путников в располагавшейся в полутора сотнях метров от входа в город таверне под названием «Клубок ужей», вскоре разделившись да отправившись каждый по своим делам: Володий потопал к первому из клиентов, а Ратибор с Емельяном – в кабак «Сброшенная чешуя», где им предстоял, по всей видимости, не самый лёгкий разговор с членами гильдии тамошней ячейки Ночного Братства. Предварительно приятели зашли к местному старьёвщику и сбагрили ему, не особо торгуясь, добытые ими на Степном тракте разбойничьи украшения да оружие. У соседнего барахольщика заодно прикупили и мощну под честно заработанное.

– Ты разузнал, о чём я тебя просил, Емеля? – сложив вырученные за трофеи кругляши в только что приобретённый, тут же изрядно растолстевший от монет кошель, Ратибор удовлетворённо подбросил его в воздух, затем повесил на пояс и, закинув секиру на плечо, покосился на вышедшего следом за ним от лавочника Емельяна. – Где хата Брадигоста?

– Да разузнал я, разузнал... Почапали, тут недалече, в Козьем проулке. Только не пойму я, чего ты там разведавать хошь...

– Скоро расчухаешь... Веди давай! Да гляди не заплутай, оленёнок!

Время катилось к обеду, и на добротном мощённых булыжных мостовых Змейграда было вполне себе оживлённо, когда два друга подошли к неказистой избушке, при ближайшем рассмотрении оказавшейся давно уж не жилой. Печь в заброшенной халупе не чадила, зиявшие тёмными провалами окна оказались выбиты, садик был давно запущен, а металлический замок на входной двери проржавел чуть ли не насквозь и, совершенно явно, не открывался уж не один год. Товарищи обошли хибару по кругу и озадаченно переглянулись.

– Ты ничего не путаешь, Емеля? Мы точно пришлёпали по адресу?

– Конечно, Ратиборушка! Козий переулок, дом шесть... Ничего не понимаю... По идее, мы на месте! Но этого не может быть!..

– Вы чего тут трётесь, охальники?! – громко кряхтя, из соседнего домишки выполз древний старичок, сам уж, поди, забывший, в каком тысячелетии он на свет божий вылупился, и, потрясая гневно крепкой суховатой палкой, очевидно, используемой им как вместо клюки, так и дубинки, раздражённо возопил: – Переночевать негде, бродяги?! Аль место для попойки ищите?! А ну, пошли отсюда, тунядцы, покудова я стражу городскую не кликнул! Они уж найдут, где вам прикорнуть, не сомневайтесь! Темница сырая по вам плачет! Не, ты глянь, рожи-то, рожи какие разбойничьи! Особенно эта, здоровенная рыжая морда!.. Ходят тут ова всякие, колобродят, покоя не дают... Оставьте вы уже эту лачугу в уединении безмолвствовать; дайте постоять ей в тишине да отдохнуть от шума и гама!..

– Не ворчи, отец, мы же со всем уважением! – пробасил в ответ Ратибор. – Слышали, что тут дом славного воина Брадигоста расположен. Того самого, что как-то, в одну минуту и на кулаках, и на топорах турнир княжий выиграл...

– Почему же в одну?! – обиженно прошамкал старик, и стало понятно, что дедок явно гордится своим соседством со столь именитым воителем. – Старый Хурум ещё помнит, что Брад сначала завоевал, а опосля минимум три года удерживал титул несокрушимого, и всё ради неё! Лучший боец нашего княжества в то время был, с этим не поспоришь!

– Ради неё... Ради Лютеги, что ль? – встрял в разговор любознательный Емельян, у которого явно проснулся интерес к происходящим событиям.

– Ну так ради кого же ещё?! – Хурум недовольно стукнул по мостовой своей палкой. – Брадигост в ней души не чаял! Да и она была к нему равнодушна! Не одной пачкой писем страстных обменялись! Жаль, не судьба им вместе быть: Святославу отдал наш князь свою дочурку... Что, в общем-то, правильно: брак должен быть между равными по рождению, а несокрушимый, как ни крути, а простолюдин. Брад, правда, в Мирграде телохранителем при своей ненаглядной хаживает сейчас... Боюсь за него, дел бы не натворил! И как Таислав позволил, до сих пор диву даюсь! Горяч ведь наш чемпион и напорист!.. Чую, погубит его любовь к княгине!

– О как!.. – Ратибор хмуро обменялся удивлённым взглядом с Емельяном. – А не подсказешь, уважаемый Хурум, почему избуха известного воина в таком плачевном состоянии находится?

– Так знамо почему! Отец да старший брат Брадигоста, Данислав и Велимир, уж более десятка лет назад как пали в бою, угодив в засаду степняков на службе в Сизой заставе, на обходе... Ну а матушка Гасава, не осилив такого горя тяжкого, вскоре сама медленно зачахла, спустя год с небольшим... Брад и остался один! Посему его тут и не держало ничего, когда он решил вслед за Лютиком в Мирград отправиться... Как уехал, так и не возвращался более. А жилище его семьи теперь служит временным пристанищем для всякого разномастного сброда, любящего туды-сюды в окошки сигать, – дедуля вдруг осёкся и подслеповато прищурился, подойдя чуть ближе и попытавшись получше рассмотреть поражённо взирающих на него приятелей. – А вы, собственно, кто такие? Явно не местные, ибо эту историю все знают у нас... Так откель пожаловали, а? И чего тут разнохиваете?! Топали бы отсюда, лежебоки, пока я вам клюкой по башке не надавал! Сказано же, дайте домишке этому отдохнуть! Устал он! Как и я... Пойду-ка вздремну, а то опять разнервничался... Шляются тут всякие бездельники... – Хурум развернулся и, что-то бессвязно бормоча себе под нос, медленно потопал в избу, не обращая более внимания на замерших товарищей, тоже, впрочем, решивших за лучшее потихому ретироваться. Всё, что им было нужно, они узнали.

– Ну что, Емеля, – насмешливо зыркнул на поникшего княжьего племянника Ратибор, когда друзья отошли от покосившейся халупы, – говоришь, в Змейград Брадигост с год-полтора назад приезжал при первом отравлении? На похороны отца? Погибшего, как оказалось, с десяток лет назад!.. И грамоте он не обучен сызмала, но письмишко-другое, а то и целый ворох сердешный нацарапать обожаемой барышне, это справился, да? Эх ты, ищейка наш забубённый!..

– Прости, Ратиборушка! Кажись, я немножко ента, того, о...

– Обделался, и отнюдь не немножко!

– Я хотел сказать оконфузился! Но не могу не признать, скрепя сердце, что твоё словечко тоже подходит, медвежонок...

– Ещё бы! И получше твоего! – Ратибор ехидно осклабился. – Однако и взаправду, похоже, шуры-муры между Лютиком и её сторожевым псом могли завертеться под боком у нашего государя... Ладно, позже перетрём косточки змеиную чемпионку, а сейчас пошли уж извиняться да каяться пред ночными горшками. Послание Свята этим скоморохам при тебе? Вот и ладушки. Быстрее зайдём, быстрее выйдем...

- Скорее, чую я, чем живее зайдём, тем шустрее их вынесут... пятками вперёд!..
- Не бухти под лапу, Емеля! Я настроен вполне себе миролюбиво! Покамест...

Глава 5. Трактир «Сброшенная чешуя»

Послеобеденное время только-только закончилось, и честной люд в основной массе опять суетливо засеменил по своим неотложным делам, заполнив гомоном, шумом да гамом узкие извилистые улочки Змейграда, когда слегка перекошенная дубовая дверь в «Сброшенную чешую» протяжно скрипнула, впуская внутрь двух путников. Зайдя в кабак, Ратибор остановился у входа и внимательно огляделся, неодобрительно осматривая неопрятное помещение, представшее перед его очами. Давно не знавшее уборки, с валяющимися на полу обглоданными костями, загаженное какими-то непонятными пятнами и остатками трапезы, пропахшее мочой, перегаром и потом, оно более походило на свинарник, чем на «приличное» заведение, коим его окрестил, саркастично скалясь, один из повстречавшихся странникам горожан. Выглянувший из-за могучей спины приятеля Емельян так и вовсе, брезгливо поморщившись, достал свой шёлковый, пропитанный ароматным нектаром платок да приложил к носу, пытаясь перебить стоявшую в харчевне вонь. Только теперь товарищам стала понятна ирония прохожего, у которого друзья поинтересовались, как пройти до сей расчудесной корчмы. Виною же царящему в кабаке беспорядку наверняка была гуляющая разношёрстная братия в количестве примерно двадцати пяти рыл, расположившаяся за тремя заставленными хмелем и яствами столиками, находящимися по центру единственного этажа «Сброшенной чешуи». Кутилы явно не просыхали вот уж какие сутки. Очень похоже, что такие попойки были нормой как для головной ячейки Ночного Братства в Змейграде, так и для их штаб-квартиры, то бишь таверны, в которой они сейчас и сживали.

– Вы чего, полоумные, смерти ищите?! – от барной стойки на двух посетителей удивлённо уставился не совсем трезвый трактирщик, плюгавый мужичок лет тридцати пяти на вид, гнусновато проскрипевший: – Мы закрыты! Это балакаю вам я, Есислав! Так что пошли вон, прощелыги, пока кости целы!..

– Ратиборушка, прояви терпение, очень прошу... – Емельян ткнул в бок локтем своего друга, собравшегося было уже что-то обидное рывкнуть в ответ. – Мы же здесь по важному делу, помни! Примириться нам надобно с ними, а не полаяться ещё больше...

– Твоя правда, конопатик, твоя правда... – кое-как сдержавшись, насупленно буркнул дюжий ратник. – Надо бы сначала попробовать догустариться по-хорошему...

– Дерзай, топтыгин!.. Ежели что, то я рядом!..

– Здравствуйте! Меня зовут Ратибор! Я от Святослава, властителя Мирграда! – рыжебородый витязь сумрачно оглядел сидящих за столами лиходеев, на миг остановившись на масляных, довольно искрящихся очах Плавудира. Того самого ловкача, что успел унести ноги из «Тихой заводи», мирградского кабака, при последнем визите туда вспылчивого воина. Парочка душегубов, удравших из «Лисьей норы», также тут уже ошивалась, сыто откинувшись на лавках да расслабленно потягивая винишко. Могучий исполин, приложив немалые усилия для того, чтобы не обращать на них внимания, в кои-то веки решил быть максимально вежливым, дабы добросовестно выполнить наказ князя, и продолжил толкать свою примирительную речь: – А позади меня Емельян, его племяшка! С посланием мы к вам! Туруз тут?

– Для тебя – господин Туруз! – противно пробублькала сидящий во главе застолья высокий, тощий, черноволосый разбойник средних лет, поглаживая свою клочковатую, по грудь, бородёнку. Его одутловатое, покрасневшее от многодневной пьянки лицо со стекающей из левого уголка рта слюной не вызывало ничего, кроме отвращения. Лениво оторвавшись от неспешно посасываемой им полубогрызенной копчёной бараньей голяшки, вожак головорезов, одетый не менее богато, чем боярин какой знатный, громко рыгнул и не без интереса вылупил мутноватыми зенками на двоих гостей. – Вещай уж далее, чего там за весточку от Святослава притарабанил? Надеюсь, вы не думали, что мы бросим отдыхать да примемся сами

разбирать те каракули, с которыми к нам пожаловали какие-то гонцы косолапые?.. Мы с ними можем разве что на нужник сходить... С ними, это с каракулями, а не с гонцами, не трухайте, бестолочи!.. Поясняю для глуподырых: хотели бы вас в выгребной яме притопить, сделали бы ента немедля!..

Сидящая за столами разномастная компания, включающая, что любопытно, даже городского стражника практически в полном облачении, раскатисто загоготала. Словесные испражнения их атамана явно показались бандитам очень удачными и смешными.

– Емеля, – Ратибор еле слышно скрипнул зубами, но опять сдержался, хоть и с трудом, – сделай милость, зачитай грамотку дяденьки своего дражайшего этим «законопослушным» горожанам!..

– Сейчас исполним, извольте обождать, махонькая заминка... – княжий племянник, недовольно сопя, чуть помешкался, но сорвал восковую печать в виде головы медведя с небольшого берестяного тубуса, извлечённого из походной сумки, вынул оттуда скрученное трубочкой письмо, развернул его да без особой охоты принялся озвучивать содержимое послания, забавно при этом тараторя; Емельян явно старался прочесть неприятную ему самому бумагу как можно быстрее.

– *Здравия лихому народу! Я, Святослав, великий князь Мирградского княжества, приношу тебе, могущественный Туруз, всеуважаемый глава Ночного Братства, свои официальные извинения по поводу досадной оказии, приключившейся с ячейкой твоей гильдии в моём славном граде! Смею заверить, что подобного более не повторится, посему прошу принять мои искренние сожаления в связи с произошедшим недопониманием и не держать зла! Хочется надеяться, что сквозь мрачные тучи, нависшие над былыми, вполне себе доброжелательными отношениями, существовавшими между Мирградом и ночными братьями, вновь проглянет ясное солнышко, дабы скрепить светлыми лучиками наши незыблемые длани, сомкнувшиеся в крепком рукопожатии! В качестве возмещения ущерба прошу принять от моих служивых кошель с кругляшами златыми да отпустить их с миром!*

Подпись:

Святослав, князь Мирграда.

Тугой мешочек с монетами из драгоценного металла с жёлтым отливом, небрежно брошенный Ратибором, звонко шлёпнулся на угол одного из столов.

– Не смеем вас более отвлекать от отдыха. Не хворайте, головотяпы! – могучий витязь развернулся вслед за Емельяном, не собираясь задерживаться в «Сброшенной чешуе» ни секундой более того, чем требовалось на зачитку унижительных княжьих раскаяний, и собрался уж споро топать на выход, но вновь раздавшийся скрипучий голос главаря Ночного Братства остановил его на полпути к двери.

– Эй, эй, а ну-ка, обожди, шатунишка! Экий шустряк, уже намылился восвояси! А я что, разве тебя отпускал? – мерзко прокаркал в угрюмую физиономию медленно к нему развернувшегося богатыря Туруз, на мощну с золотишком даже не взглянув.

– Чего тебе ещё надобно? – хмуро спросил Ратибор, невзначай проведя кончиками пальцев по рукоятям двух чеканов за поясом. Секиру он оставил в комнате в «Клубке ужей». В кабаке, в замкнутом пространстве от компактных топоров толку куда как поболее при добром замесе, это дюжий ратник уяснил уже давно.

– Слышал я о тебе много, рыжий медведь! И не поверишь, страстно алкал и ждал нашей встречи!.. Аж пупырышками гусиными покрылся в местах непотребных, так мечтал свести знакомство!.. – зловеще ощерился атаман разбойников. – А всё потому, что людей ты моих в Мирном городе положил под землю похрапывать почём зря... Но это полбеда! За ента твой владыка нижайше покаялся и просил не трогать вас да отпустить... Но ты ведь умудрился уже и у нас нагадить! Убил почём зря Карбуса в «Лисьей норе», самого грозного моего бойца, между прочим, да пятёк его громил оприходовал довеском, внепланово отправив к богам на

пирушку... Силён, ничего не скажешь! Но что ж ента такое делается-то, а?! Совсем, похоже, ты нас не уважаешь и не ставишь ни во что, правильно мне докладывали из медвежьей берлоги, то бишь из Мирграда! Да только там – это вам не здесь!..

– Ближе к делу, гусь пупырчатый! – Ратибор начал потихоньку заводиться. – Не тяни ослика за причиндалы, это бо-бо. Пред тобой извинился в письмишке сам государь, чего ещё треба Вашему Вашеству?!

– Для начала познакомься с Божеславом, правой рукой самого Звенимира, главы городской стражи Змейграда! Прошу любить и жаловать! – Туруз уважительно кивнул в сторону вальяжно восседавшего подле него тучного служителя закона лет сорока на вид, судя по раскрасневшейся ряхе, принявшего на грудь уже не один кувшинчик медовухи. – А представил я тебе нашего почтенного гостя для того, чтобы ты осознал, обормот бесшабашный: власть здесь нам принадлежит! В том числе и официальная! Посему не думай даже рыпаться, иначе не унесёшь из града ноги: вся княжеская дружина тебя искать будет! Это я так, на всякий случай предупреждаю, дабы ты ненароком не удумал тутова набедокурить, как давеча в Мирграде! Я ведь знал, что ты к нам двигаешь, оттого и собрал под эту долгожданную встречу четвертак наших! Правда, слыхивал я бредни, что ента не является особой преградой для знаменитого рыжего медведя... Привирают, да? Ну ещё бы, как без этого!.. Ведь не набрежав с три коробочки, сказания не поведать... Но на всякий случай пригласил я ещё и Божеслава на парочку-другую жбанов с хмелем! Супротив стражи ты не посмеешь попереть!.. Чай, всё-таки башка на плечах, а не задница...

– Я спрашиваю в третий раз, что – Сварог не даст соврать – бывает у меня лишь в полнолуние, да и то не в каждое!.. – опять перебив Туруза, гаркнул раздражённо Ратибор. – Чего ещё надо от меня вожаку разбойников?! Долго будешь ходить вокруг да около, аки красна девица?! Утомили уже порядком эти хороводы!..

– Ишь, какой горячий! Не врут слухи-то! – обращаясь к сидящим за столом, главарь лихоев прерывисто заклекотал, что, видимо, должно было означать смех. За своим вождём, подхалимно рыгая и улюлюкая, с готовностью разноголосо заржала и вся его полупьяная ватага. – Ну а что мне треба от тебя, так ясно чего... Твоих личных извинений, всего-то! Искренних, прошу заметить! Так, чтобы я уверовал, будто от самого сердца они идут, хе-хе! Посему, рыжебокий, падай-ка ты на колени да кайся от души! Ну и не забывай всё-таки называть меня господином! С первого раза не расслышал, так я напомню! Да, и не вздумай шутить со мной! – вдруг противно завизжал на весь кабац атаман шайки. – Ты хоть ведаешь, пред кем стоишь?! Я – Туруз, подо мной вся гильдия воров и душегубов ходит, так что перечить даже не смей, дроволом пустоголовый, а то из «Сброшенной чешуи» тебя по кускам вынесут в мешках для свинячьих потрохов!.. Ты всё понял, дубина?!

В кабаке настала мёртвая тишина, и лишь где-то за спиной неподвижно замершего Ратибора испуганно охнул Емельян, не проронивший ни слова после того, как зачитал грамоту Святослава. Расположившиеся за столами лиходеи выжидательно, с интересом уставились на недобро прищурившегося молодого богатыря. Пропитые рожи бандитов насмешливо скалились, предвкушая новую потеху. Ведь, по их мнению, выбора у пришедшего воина не имелось. Кто же в своём уме пойдёт против самого Туруза, главы Ночного Братства, которому, помимо двух с половиной десятков бойцов, вдобавок прикрывают спину городские ватажники Змейграда? Невдомёк только было нетрезвой братии головотяпов, что выбор есть практически всегда. По крайней мере, у рыжего берсерка.

– Ты уразумел, дрянь крепколобая, чего тебе сказал атаман?! – ядовито зашипел встрявший в разговор порядком наладившийся к сему моменту Плавудир, нелепо размахивая обглоданной говяжьей голяшкой. – Хряпнись на карачки пред достопочтенными вельможами пошустрому, холоп, не зли людей! Тогда, может быть, мы на тебя даже не помочимся... Но ента ещё не точно!

Воцарившееся в «Сброшенной чешуе» напряжённое безмолвие тут же разлетелось на мелкие осколки, сметённое очередным оглушительным хохотом. Не знали покатывающиеся от смеха лиходеи лишь одного: это были последние пьяные хихиканья в их беспутной жизни.

– Емеля, – раздавшийся громогласный рёв взбеленившегося «рыжего медведя» легко перекрыл разбойничье гоготание. – Скажи мне, я был вежлив с этими помойными псынами?!

– Ещё как, Ратиборушка, Велес не позволит солгать! – согласно пропищал в ответ княжий племянник.

– Я пришёл к ним с миром. Я не искал ссоры! Эти облезлые шакалы ведь сами напросились?!

– Так точно, Ратик! – Емельян отступил назад, прекрасно понимая, что сейчас будет, и не желая угодить под горячую лапу не на шутку разозлившегося приятеля. – Засвидетельствую хоть перед Сварогом с Перуном!

– Ну вот и славно! – молодой богатырь широко улыбнулся, блеснув белоснежными зубами. Но эта улыбка не предвещала ничего хорошего ошарашенно на него вытаращившимся негодяям.

– Похоже, ты не разобрал, дылда рыжая, с кем тебе выпала честь познакомиться сегодня! – первым обрёл дар речи Божеслав, быстро вскочивший на ноги и шустро засеменявший к наглому гостю. – Ты кого псами да шакалами назвал, каланча тупоумная?! Да я тебя в городской темнице сгною за такие речи!.. – это было последнее, что успел произнести городской стражник, прежде чем могучий удар отправил его в пучину беспамятства. Ратибор, опасно сверкнув бездонными синими очами, прервал возмущённый трёп «правой руки» Звенимира, снеся полноватого оппонента левым боковым в голову. Чем-то это напоминало, как с досадой отмахиваются от надоедливой комарьи, назойливо жужжащего около уха. Ватажник как стоял, так тут же шлёпнулся на пол, будто сбита палкой цилиндрическая чурка.

– Пожалуй, что это вы, негораздки, не осознали до сих пор, с кем так дерзко сейчас балакали! – крикнул ехидно примостившийся в сторонке Емельян, приготовившийся с интересом наблюдать за разворачивающейся батальей. Сокрушённо покачав русой копной волос, он продолжил размышлять вслух, задав в пустоту риторический вопрос: – Разве так можно разговаривать с самим рыжегривым шатуном, а?!

– Чего расселись, дерьмояды? Время подышать! Идите сюда, собаки! – тем временем зычно рыкнул рассвирепевший Ратибор и, подлетев к ближайшему дубовому столу, сграбастал его за край да с силой опрокинул на восседающих на лавках потерявших дар речи разбойников, одним махом придавив парочку-другую. Переливчатый перезвон посыпавшейся на пол посуды не смог заглушить гневных чертыханий, тут же прокатившихся по корчме: бандиты, поражённые скорой расправой над Божеславом, наконец, вышли из ступора, принявшись с проклятиями вскакивать на ноги. Молодой богатырь, впрочем, был этому только рад. Выхватив из-за пояса оба своих топорика, он не стал дожидаться, когда его противники очухаются да построются, и с диким рыком врубился в злобно брызжущих слюной душегубов. В глазах рассердившегося берсерка плясали холодные всполохи яростного голубого пламени.

Как это ни странно, но в начавшейся заварушке сыграл свою роль... фактор внезапности, ибо опешившие от такого развития событий не совсем трезвые лиходеи сквозь тягучую пелену хмеля в головах никак не могли поверить в реальность происходящего. В то, что на их грозную ватагу, одно название которой заставляло боязливо трепетать сердца подавляющего большинства обычных жителей, без оглядки ринулся всего один воин. Да, здоровый, да, умелый, но всего один, раздери его Перун на мелкие шкварки!

– Кисет с золотом тому, кто принесёт мне эту нахальную рыжую моську на блюде!.. – сквозь шум начавшейся драки негодующе проблеял Туруз, сам вытаскивая длинный, изогнутый тесак из-за пояса.

Между тем закружившаяся в шальном танце по единственному этажу «Сброшенной чешуи» скоротечная схватка походила скорее на умелый забой скота, чем на славную зарубу, каковой должна была стать, ибо полупьяные разбойники оказались явно неровней лучшему бойцу Мирграда. Два чекана споро замелькали в ставшем вдруг неимоверно тесным помещении, и вопли да предсмертные стоны оседающих одного за другим супостатов не заставили себя долго ждать. Крики, визги и ругань, вперемишку со знакомым чавкающим свистом погружающейся в тела врагов доброй стали, ласкали слух соскучившемуся по хорошему бою Ратибору, принявшемуся могучими ударами играючи крушить растерявшегося неприятеля, до сих пор не верящего своим глазам.

Вот один из чеканов снёс, как серпом, голову очередному лиходею. Второму топорик вонзился прямо в лоб, раскроив рыху душегубу ровнёхонько пополам. Третий, обрюзгший детина, кинувшийся с коротким, с локоть длиной мечом на дюжего ратника, через миг, тяжело кряхтя от невероятной боли, осоловело разглядывал на своём пузе глубокую продолговатую рану, из которой начали вываливаться внутренности. Попытавшись судорожно запихнуть свои кишки назад, он с предсмертным стоном упал на колени, медленно заваливаясь на бок. Следующий оппонент молодого богатыря, выронив тонкий стилет, рухнул навзничь, как подкошенный; ему лезвие топора зарылось в грудь аж по обух, легко перерубая плоть и кости. Далее не повезло подкрадывающемуся со спины Плавудиру; молниеносно развернувшись, Ратибор, как косой, срезал полчерепушки неудачливому мерзавцу, на этот раз доделав то, что начал в «Тихой заводи», то есть отправив негодяя к праотцам. После, стремительно отпрянув в сторону, рыжебородый витязь ловко увернулся от летевшего в него ножа, вонзившегося затем заходящему сбоку Турузу под спутанную бороду. Глава разбойников, страшно харкая кровью, шмякнулся пятой точкой на пол, изумлённо уставившись на торчащий чуть ниже его ключицы набалдашник рукояти кинжала одного из собратьев. Что произошло и как так случилось, что он смертельно ранен своим же, вожак шайки, начинающий хрипло подвывать от накатывающих волнами нестерпимых болевых ощущений, похоже, не осознавал.

Ратибор тем временем, метнув незадачливому любителю бросаться стилетами свой нож в ответ, сразивший того наповал, принялся с удвоенной энергией добивать оставшихся головорезов, уже не шибко-то и помышлявших о каком-либо достойном сопротивлении. В конце концов могучий великан уложил спать вечным сном последнего из лихих людей, отрубив ему сначала кисть руки с дубинкой, а затем приложил в довесок супостата об угол стола башкой, проломив тому висок. Кровавая баня, устроенная членам очередной, на этот раз главной ячейки Ночного Братства, закончилась вполне себе предсказуемо: четвертак разбойников неравномерно устлал своими безжизненными телами «Сброшенную чешую», споро отправившись на скорый и справедливый суд богов. И лишь одному везунчику удалось уйти: скрипнула входная дверь, и очухавшийся Божеслав шустрой сойкой, если такое сравнение вообще уместно с упитанным свиноподобным детиной, коим он и являлся, стремглав выскочил наружу. Его тревожный свисток из коры плакучей ивы заливисто заголосил на всю округу, спешно удаляясь прочь от таверны.

– Что за ерунда творится в последнее время? Почему хотя бы одной роже всегда удаётся ускользнуть?! Пряма беда... Хотя на замок врата за собой запирай... – сам себя хмуро укорил Ратибор, переводя взор на потрясённо выглянувшего из-за барной стойки испуганного кабатчика. Всю спесь с него как ветром сдуло. – Эй, погань, чёрный ход ведь наверняка имеется в твоём хлеве, что ты по недоразумению харчевней величаешь? Где он? Отвечай шустро и честно, задница пороссячья, покудова я тебя на кочан не укоротил!

– Т-там, – Есислав несколько раз суматошно мотнул куцей гривой в сторону подсобки, – лаз есть в погребе!.. За второй бочкой с вином, у левой стены!

– Я проверю! А то чую, скоро он нам пригодится, ведь этот хряк со свистулькой наверняка в ближайшее время воротится с подмогой... – Емельян тут же метнулся в подсобное помеще-

ние, не преминув перед этим строго погрозить трактирщику, собравшемуся было поползти вслед за Божеславом: – А ты сиди лучше тихо, не дёргайся! А то этот косолапыч тебе ноги двойным узлом завяжет и с невинным видом скажет опосля, что ты в таком непотребном виде на свет белый из яйца вылупился. Он может, я точно знаю!

– Уразумел! Благодарствую за столь ценнейший совет, мне он как раз к спеху... – Еси-слав по новой спрятался за стойку, моля всех известных ему богов о том, чтобы они больше не заставляли его встречаться глазами с бездонным яростным пламенем, периодически сверкающим в угрюмых очах дюжего ратника.

– Ты, никак, ещё не окочурился, дерьма кусок? – тем временем удивлённо хмыкнул Ратибор, подходя к обильно плюющемуся кровавыми сгустками долговязому Турузу. Присев перед ним на корточки, рыжеволосый великан не спеша обтёр о его богатую, украшенную жемчугом и янтарём одежду свои два колуна, после чего без особой надежды спросил: – Покаяться перед смертью, головотяп, не желаешь? Поведай, облегчи душу пред судом Перуна, кто заказал мою ряху, а заодно и седые космы Благаны? Наверняка ведь слышал про такую ворожею?

– К... кхе-кхе... К... грых... К... хы!.. – жутко хрипя, Туруз явно что-то попытался сказать, но сначала главарь ватаги просто зашёлся тяжёлым кровавым кашлем, а далее, прикрыв глаза, неожиданно ровно вздохнул и заметно обмяк. Искра жизни покинула суховатое, худощавое тело вождя разбойников. Лидер Ночного Братства отбыл на справедливое небесное судилище, умудрившись перед этим напрудить под собой лужицу.

– Тьфу, вот же ослиная фекалька! – Ратибор недовольно, с отвращением поморщился, вставая и делая пару шагов назад. – Я молвил, душу облегчи, а не облегчись смрадной жижицей, да чтоб ты после приговора божьего жрал только свой же навозец большими деревянными ложками!..

– Ратиборушка, нам пора тикать! Там и правда есть ход, в соседний двор ведёт, не наврал кабатчик! – из чулана вылетел Емельян, тревожно прислушиваясь к нарастающему шуму на улице. Лязг оружия вперемешку с руганью не одного десятка лужёных глоток явно приближался к «Сброшенной чешуе». – Почапали, а?! А то здесь через миг-другой, похоже, вся местная дружина змеиная обозначится... А оно нам надобно, знакомство ента необязательное? Они ведь к нам не с пирогами и крынкой ряженки шлёпают... Я, конечно, не сомневаюсь, что ты всё воинство чешуйчатое в одну маковку покромсаешь, да кто тогда юго-восточный рубеж от степняков беречь будет?... Посему побёгли уже!.. Пушай живут покамест! Ведь змеюки, они ж как пчёлы, только пользу обществу приносят, посему не след их душегубить понапрасну...

– Ты прав, Емеля! Помчали!.. – Ратибор, не забыв поднять с пола шлёпнувшийся туда в разгар сечи кошель со златом, переданный Святославом Турузу в знак примирения, убрал ценный мешочек за пазуху и споро последовал за нетерпеливо подпрыгнувшим княжым племянником, шустро сиганувшим в погреб. – А то времени нет сейчас объяснять всякой немощи, как ента четвертинка лиходеев вдруг пробудила совесть в своих тёмных душонках и решила на массовое самоубийство...

Торопливо проследовав за Емельяном в потайной лаз, Ратибор не без труда в него протиснулся, так как скрытный ход явно не был рассчитан на таких громил. Кое-как ужавшись в три погибели, могучий исполин яростно выругался да потопал вперёд, в душе кляня на чём свет стоит всех карликов и карлиц, вместе взятых. Путь до соседнего двора показался ему вечностью. Наконец, ободрав свои широченные плечи в кровь о тесные, покрытые плесенью стены узкого тоннеля, он выполз наружу, оказавшись в подполе одного из соседних домишек, также, вероятно, принадлежавшего Ночному Братству. В самой неприметной избушке было безлюдно.

– Погнали, Ратик! – спешно зашушукал вылезшему из-под земли товарищу Емельян, одновременно протягивая необъятных размеров, усеянный заплатками разной величины серый полотняный плащ с капюшоном. – Тут нашёл, представляешь?! Как раз твой размерчик!

Запасливые головотяпы... Надевай, ты весь в крови, да и твоя приметная рыжая борода за версту видна! Про огненную гриву вообще молчу! – сам летописец уже успел натянуть на себя светло-коричневый балахон поменьше, обнаруженный им в заранее припасённой разбойниками, порядком запылившейся стопке одежды.

– Значится, так, Емельяшечка... – Ратибор с ходу придумал очередной вариант имени главы Тайной Канцелярии, но сам не обратил на это никакого внимания, сосредоточенно размышляя о том, как им быть дальше. – Надо нам валить из града юркими куницами, покуда нас на дыбу не подвесили. Сейчас возвращаемся тихонько в «Клубок ужей», забираем вещи, коней и шустро уходим. За комнаты мы заплатили на день вперёд, так что проблем быть не должно... Всё понял?

– Угу, Ратиборушка, – согласно хрюкнул Емельян. – Покамест усё ясно... Окромя того, как мы выйдем из Змейграда, ведь наверняка стража на воротах уже наострила уши... Да и с Володием что?

– Выползем из змеиного гнезда с помощью молитвы Сварогу, что ты про себя немедля бубнить начинаешь, да повозки крытой... Как раз юный торгаш нам и подсобит! Зайдёшь сейчас в наш кабак, поглядишь, не воротился ли. Я бы сам пошёл, да ты прав ведь... Извазюкался я малость в красненьком!.. А этот плащ, не раз перештопанный, похоже, ещё в позапрошлом веке, уж больно подозрителен... Впрочем, кровь прикрывает, и то славно! Захватишь мне рубаху мою, что Смиляна постирала да заштопала. Хоть косоворотку сменю! Шаровары, багрянцем окрасившиеся, позже переодену, не до этого нынче... – молодой богатырь достал из-за пазухи подобранный с половиц «Сброшенной чешуи» кошель со златом и швырнул его своему приятелю, ловко ту мошну словившему. – Ежели надо будет на лапу дать, не скупись, Емеля! Кругляшки золотистые всегда заработать можно, а вот вторую головушку нигде достать уже не удастся и за телегу камушков драгоценных. В общем, трать, не жмотись! А я за углом корчмы притулюсь, подожду тебя. И да, Емеля, нам надобно сейчас будет разделиться. Стража ищет двоих... Встречаемся слева от входа, на углу нашего постоянного двора.

– Понял, Ратиборушка, вполне разумно...

– Смотри не заплутай, конопатик!

– И тебе того же, рыжик, и тебя туда же!.. А язык, ежели чего, не то что до кабака, до Чёрного материка довести может!

– Типун тебе на вредный мякиш, Емельяшка! Не накликай лихо, а то нам только в эту задницу мира не хватало ещё заглянуть!.. Усё, балакать закончили!.. Увидимся у харчевни, как условились!

Осенняя погода, с характерной для капризной юной девы резкой сменой настроения, опять начала портиться, принеся с собой неприятный, мелкий моросящий дождик, что сыграло только на руку нашим любителям приключений. Укутавшись с головы до пят в найденные ими в запаснике лиходеёв плотные полотняные плащи, два товарища, разойдясь, как в море корабли, окольными путями по одному торопливо попелёхали к «Клубку ужей», трактиру, в котором остановились по прибытии. Емельян добрался до места назначения без проблем, а вот Ратибору пришлось слегка задержаться; его огромный рост и мощная фигура вызвали сначала нездоровое любопытство, а затем и вполне естественное подозрение у пары патрульных, столкнувшихся с ним нос к носу в одном из многочисленных кривых проулков. Те рьяно прочёсывали узкие улочки Змейграда в поисках двоих негодяев, посмеявшихся изрубить на куски ночных братишек в «Сброшенной чешуе» да избить Божеслава, заместителя начальника городской стражи. Быстро вырубив не в меру ретивых бойцов парой добреньких плюх по темечку, Ратибор живо оттащил тела погрузившихся в забытьё служивых горемык в ближайшую тёмную подворотню, благо слякотное ненастье не способствовало скоплению праздно шатающегося туда-сюда люда и свидетелей расправы над непутёвыми ватажниками, по счастливой случайности, не оказалось.

– Ну и кто из нас заблудился, а, Ратик? – с явным облегчением и вместе с тем насмешливо проквашал Емельян наконец подошедшему к месту сбора молодому богатырю. Рядом с княжым племянником, помимо их двух коней да рабочей лошади, гружённой тюками с походным скарбом и провизией, маячил встревоженный не на шутку Володий. Его стоявшая недалеко, практически полностью опустевшая телега на данный момент вмещала в себя, помимо необходимого в дороге рабочего инвентаря вроде лопаты да запасной сбруи, пару отсутствовавших там ранее дубовых бочек, заботливо укрытых широким куском грубой льняной ткани.

– Как у тебя дела? Рассказывай! – Ратибор слегка удивлённо посмотрел на молодого барышника. – Вижу, что неплохо... Никак, умудрился уж продать всё, что вёз?

– Ну да, – согласно кивнул тот в ответ, довольно при этом прищурившись. – Усё сбавил за пару часов! Свезло не по-ребячески!..

– Это хорошо. Помощь твоя нужна...

– Всё, что скажешь, Ратибор. Я ведь тебе жизнью обязан!.. – с готовностью крикнул Володий. – Кабы ты не поспел тогда, на Степном тракте, забили бы меня до смерти окаянцы лихие...

– Не, а я не понял, ты меня что, замечать перестал?! – бесцеремонно влезая в беседу купца и воина, ехидно провоцировал Емельян. – Ратик, ты мне сначала ответь, кто из нас заплутал, а потом уж талдычь тутова что хошь!..

– Два шмеля насели со спины, еле отбил... – нехотя буркнул Ратибор, тут же меняя тему разговора. – Секиру мою прихватил? В телеге отдыхает, под покрывалом? Отлично... А рубаху не забыл? Умница! Давай сюды и то, и то!.. Гляжу, сообразил жратвы прикупить в дорогу? Молодец, Емеля. Растёшь! Ещё бы догадался несколькими мехами с водичкой затариться, вообще бы цены тебе не было! Или там, на повозке, и...

– Да, да, да, и есть наша вода, Ратиборушка! Обижаешь меня почём зря! – лукаво блеснул озорными очами плутоватый непоседа, притворно надувшись. – По бочонку родниковой водицы и кваса прикупил вместе с припасами, чай, не совсем уж бестолочь, каковым ты меня до сих пор считаешь...

– Да не считаю я так, Емеля! – рыжебородый витязь, забрав секиру и косоворотку, досадливо отмахнулся от своего летописца, как от надоедливой мушкетёрши. – Причём давненько уже не считаю...

– Ага-а-а!.. – протянул торжествующе княжий племянник, как будто поймал друга на шулерстве в кости. – А раньше, значит, всё-таки кумекал, что я дурак?!

– Емеля, сделай-ка доброе дело...

– Не-а, Ратик, я не заткнусь, ибо молчать не собираюсь!..

– Дело, говорю, доброе сделай! – негромко рыкнул на приятеля могучий гигант. – Залазь-ка ты на облучок! Поедешь рядом с Володиём на повозке. Надобно вывезти тебя за городские стены, а то меня князь на голяшки пустит, коли с твоей белобрысой тыковки хоть волосок шлёпнется там, где не нужно... Нашего тяжеловоза и свою лошадку позади к кибитке, вон, за узденицы перевязью прицепите! Покамест так попелёхаете... Будем надеяться, караул уже сменился и новенькие не в курсе, что при въезде вас сопровождал ещё один человек...

– Не понял, а ты, Ратиборушка?!

– Я поеду один. Чутка опосля. Ибо ежели отправлюсь с вами, нас тут же всех скрутят, к ведунье не ходи... Ну, попытаются, по крайней мере. А мне как-то не улыбается пробиваться наружу с боем, когда у меня за плечами телега с конями да парочка тощеньких воителей маячит!..

– Ратиборчик...

– Емеля, не начинай даже! – дюжий ратник, настороженно озираясь по сторонам, недовольно перебил начавшего было возмущённо лопотать княжьего племянника, явно имевшего, что сказать в ответ. – У нас нет времени на пререкания! В первую очередь они ищут здорового рыжего детину, и под бадью с хмелем аль ночной горшок меня замаскировать ну никак не

выйдет; я сам раскроюсь и вас за собой потяну! Посему вы едете вдвоём! Если что, торговцы из Мирграда, товар сбыли и домой спешите! Ежели случится такая оказия, что кто-то из тех ватажников на вратах попадётся, кто нас в город пропускал, про меня наплетёте, что нанялся вам в охрану лишь до гнезда змеиною. По приезде со мной рассчитались и теперь ведать не ведаете, куда я подался. Всё ясно? – рыжеволосый великан вопросительно уставился на неуверенно кивнувших приятелей. – Вот и ладушки. Встречаемся в «Лисьей норе» тогда! Ждите меня там, коли ранее не нагоню в дороге! Да не боитесь, усё будет хорошо! А теперь езжайте, а я покамест покумекаю, как мне самому за стену перемахнуть... Через часик-другой и я попробую улизнуть! Ну, усё, други, до встречи! – Ратибор лихо запрыгнул на своего вороного, развернулся и шустро ломанулся за угол «Клубка ужей», чудом избежав пронзительных, внимательных очей только-только появившегося в начале улицы наряда из пяти стражников.

– Чаво делать станем? – Емельян озадаченно почесал курчавую бородёнку, тоскливо вздрившись вслед ускользавшему прочь рыжебородому витязю.

– Чаво, чаво, ты меня спрашиваешь? Кто из нас, я не понял, ещё вчера Святослава в тереме князем замещал, а кто приблизительно в это же время всего лишь к своему первому походу в тьмутаракань, то бишь сюды, готовился, а?! – задавший риторический вопрос Володий с досадой покосился на слегка растерявшегося государева племяша, боязливо наблюдающего за проходящим мимо караулом ватажников. – В общем, следуем плану Ратибора! Мы ведь и правда у него тяжкой обузой на шее висели! Одному ему, ясное дело, будет проще выскользнуть стройным ужином из городища, чем ежели с нами в компании! Так что погнали на выход! Рат налегке! Даже если выползет лишь к вечеру на Степной тракт, на привале аль в «Лисьей норе» всё равно нас догонит вскорости!.. Нам самим поспешить надобно, покудова они не прочухали, что мы разделились!

– А ты ничего, соображаешь, хоть на вид и туп как пробка!.. – одобрительно шмыгнул носом Емельян, неумело вскарабкиваясь на козлы. – Ну, чего замер? Под исподнее оса залезла? Поехали, а то и правда хватятся, что Ратиборушка уже не с нами... Туговато тогда нам придётся без его тяжёлой лапы, ента я тебе точно балакаю!..

Володий, хотевший было брякнуть в ответ что-нибудь обидное, поступил очень мудро, сдержавшись и решив не лаяться со своим, слегка его раздражавшим попутчиком, прекрасно понимая, что вступать в ненужную перепалку сейчас совсем не к месту. Посему сын Демидия прикусил язык да ловко взобрался следом, направив повозку к выходу из Змейграда.

Тем временем у ворот города началась небольшая сумятица: движение на выезд застопорилось, образовав затор из десятка-другого телег, пытающихся покинуть столицу Гадючьего княжества. Впрочем, под гневный ропот вечно спешащих возникших образовавшаяся пробка довольно быстро принялась рассасываться, ибо служивые искали лишь здорового воина с пышной копной огненно-красных волос, шустро заглядывая внутрь кибиток и проверяя, не прячет ли кто у себя огромного «рыжего медведя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.